

Алина Николевская

Кое-что из жизни воронов

и не только...

Алина Николевская

**Кое-что из жизни
воронов и не только...**

«Издательские решения»

Николевская А.

Кое-что из жизни воронов и не только... / А. Николевская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838168-3

Роман из серии «Никогда не разговаривайте с незнакомцами». Особенно, если одержимы жаждой мести. И хотите не просто руки-ноги переломать, но готовы совершить нечто такое, что навсегда лишит обидчика памяти и интеллекта.

ISBN 978-5-44-838168-3

© Николевская А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кое-что из жизни воронов и не только...

Алина Николевская

© Алина Николевская, 2017

ISBN 978-5-4483-8168-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Мой друг Локи

Он сел на скамейку рядом со мной и сообщил:

– Я сикал.

Я хотел было сказать: «А я какал». Но ничего не сказал. Лишь отвернулся. Да, сколько же торчков бродит днём по набережной канала Броуверграхт! Причём, нарочито расхристанного вида, характерного для туристов, прущихся в Амстердам, как в центр мирового порока. А какой уж тут особенный порок? Если речь идёт о квартале красных фонарей Ред Лайт с его приманкой – «витринной» проституцией, то не нужно много времени, чтобы, побродив по лабиринтам плотной старо голландской застройки, почувствовать себя мальчиком, которому вместо шоколадной конфеты подсунули пустую обёртку. Или дерьмом собачьим, когда поймёшь, что тебя обслужил транссексуал, а их в «витринах» немало. Если же имеется в виду вседозволенность в смысле употребления наркотиков, то употреблять легально здесь можно лишь марихуану, гашиш и галлюциногенные грибы. И то не все, а лишь некоторые. Вот их-то видно и нажираются с горя туристы, когда прикидывают, во что обошлась неделя «отрыва». Дешевле было бы в течение года ни в чём себе не отказывать с девочками с Ленинградского шоссе, подъезжаясь при этом подмосковными мухоморами. Это что касается бывших соотечественников. К их числу и относится, по всей видимости, этот, который сикал, раз он обратился ко мне по-русски.

– Вы меня не поняли, – снова подал он голос, тронув меня за рукав. – Сикол – это моё имя. Вторая гласная – «о».

Я хотел было сказать: «А я всё равно какал на то, что ты Сикол». Но не сказал, ограничившись тем, что демонстративно стряхнул с рукава несуществующую пылинку.

– Зря вы так, – покачал он головой. – Я же ваш друг. А друг – это человек, который знает о вас всё, и, тем не менее, вы по-прежнему ему нравитесь.

Я хотел было посоветовать ему отправиться в ближайший гей-клуб, где, он, наверняка, сорвёт пассажем о друге продолжительные аплодисменты, но снова промолчал. Ибо, как говаривал капрал-шеф Жак Дорньер: «Не стоит без нужды вступать в контакт с незнакомцем, ведь завтра его, возможно, придётся убить».

Если без понтов, то это правило не отражало реалий моей нынешней жизни, как оно ещё совсем недавно отражало реалии выживания в джунглях африканской страны Кот-д-Дивуар, но выучка, есть выучка. Поэтому я молча встал и пошёл прочь.

– Мы ещё встретимся! Обязательно встретимся! – заверещал мне вслед Сикол. – Завтра на канале Сингел, у почтамта....

«Я набью тебе морду», – мысленно продолжил я его текст, не замедляя шага.

Что касается набить морду, причём, первому встречному, то это желание действительно появилось у меня утром следующего дня, сразу после телефонного разговора с главным редактором издательства «Гранада» господином Гаршавиным.

– Рукопись на рецензировании, – скучным голосом произнёс он, отвечая на вопрос о судьбе моего романа.

– До сих пор? – удивился я. – Я отправил её пять месяцев назад. В декабре, а сейчас начало мая. Вы уверены, что она не потерялась?

– Уверен, – отрезал он. – Так же, как и в том, что «Гранада» получает по тридцать-сорок произведений в день, и всё о драконах, джедаях-трансформерах и роботах-убийцах.

– Если вы намекаете на мой первый роман, то он, действительно, ниже всякой критики, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Вы поступили правильно, отклонив его. Но эта рукопись совершенно другая. Она вам обязательно понравится. В ней фэнтэзи лишь фон для событий реальной жизни.

– Хорошо, – сказал Гаршавин после продолжительной паузы. – Я посмотрю лично. перезвоните через неделю.

Услышав короткие гудки, я сильно приложился затылком к стене кабинки междугородней связи. Это было, хоть и плохой, но заменой ни с чем не сравнимого по ощущениям подзатыльника Жака Дорньера, которым он частенько награждал меня, как и остальных новобранцев французского Иностранного Легиона, исключительно в целях примирения с окружающей действительностью. Действительность же, окружавшая новобранцев особенно в начальный период подготовки к легионерской службе, доставала так, что впору было завывать. Но выть было нельзя. Надо было между «апелями» – общими построениями, случавшимися по двадцать-тридцать раз на дню, учить традиционные песни Легиона, все, как одна похожие на «Марсельезу», только с посвистом в конце каждого куплета.

Насвистывая марш «Мы идём по Африке», я вышел из Главного почтового офиса и сразу же наткнулся на Сикола, который выглядел уже не как косящий под антиглобалиста менеджер среднего звена, а как этот самый менеджер, отлучившийся с работы на ланч.

– Опять динамо? – спросил он, не тратя время на приветствие. — Ты расстроен?

Я сплюнул ему под ноги, чего в Амстердаме делать не рекомендуется (штраф до сорока евро) и закурил. Он тоже закурил, но как-то неохотно, будто за компанию. Потом сказал:

– Ну и сволочь, этот Гаршавин!

Я заглянул в его серенькие, в тон костюма глазки, и поймал себя на мысли, что ничуть не удивился. А что, всё правильно, пробеги, хоть три тысячи ли, а всё будто в гробу. Вычислили, выследили, теперь будут шантажировать киллерским прошлым, пока не подряжусь на какую-нибудь грязную работёнку. Сделаю её, а они не отстанут, будут продолжать давать задания через этого урода Сикола – кликан не мог подобрать получше! Капрал-шеф Жак Дорньер учил: «Никогда не оскорбляйте людей формой своих высказываний, если в состоянии оскорбить их содержанием, а лучше просто взглядом».

Красноречивость взгляда была, на всякий случай, подкреплена дополнительным плевком (сорок евро, если кто забыл), после чего я развернулся и пошёл к машине.

Конечно, первым побуждением было сменить место жительства, чего по здравому размышлению я решил не делать. Ведь, если выследили в Дамраке, населённом по преимуществу иммигрантами арабами, то выследят и в любом другом месте. Считающийся же небезопасным Дамрак, устраивал меня, главным образом, по причине дешёвизны жилья. Маленькая (меньше московской стандартной однокомнатной) квартирка стоила в приличном районе баснословных денег, а я снимал у марокканца Аммара похожую из расчёта три евро в сутки.

Что же касается безопасности, то я быстро дал понять представителям пока ещё не свободного мира, что освобожу от земных обязанностей каждого, кто хоть как-то осложнит моё существование и существование моей собаки, собакой, по большому счёту, не являвшейся. Но об этом мало кто догадывался, ибо я выдавал волка Зорро за среднерусскую овчарку.

Имя Зорро я выбрал по причине его звучности, а не потому, что волк любил людей и был готов совершать во имя их разнообразные подвиги. Напротив, не любить людей у него были все основания, впрочем, как и у меня, на чём мы с ним и сходились. В остальном же, нам пришлось довольно долго притираться друг к другу, идя на взаимные уступки. Ему пришлось научиться носить намордник, ходить рядом на поводке, неподвижно стоять, не оказывая сопротивления, при чесании щёткой. Я же смирился с тем, что волк в моё отсутствие валялся на диване, а также с необходимостью совершать длительные велосипедные прогулки. Кстати, зрелище вынужденной бежать за велосипедом несчастной, с высунутым языком собаки редко кого из амстердам-

цев оставляло равнодушным. В лучшем случае, они провожали меня уничтожающими взглядами, в худшем – начинали громко выражать сочувствие бедному животному, всячески понося при этом его бессердечного хозяина. Где им было знать, что на воле сородичи Зорро способны за ночь, играючи, пробежать от пятидесяти до восьмидесяти километров, и что такие пробежки волкам жизненно необходимы. Я же это знал, так как работал в знаменитом Амстердамском зоопарке Артис. Работал в должности секьюрити, куда принимают после платных шестимесячных курсов с обязательным просмотром немереного количества анималистических фильмов. В зоопарке я с Зорро и познакомился. Причём, при весьма драматических обстоятельствах.

Дело в том, что люди приговорили волка к смерти за то, что он искушал своего мучителя-дрессировщика – автора омерзительного циркового номера под названием «Волк и семеро козлят». Так как все номера с животными я отношу к разряду омерзительных, то разницы между ними не делаю. Разницу я делаю между тем, что человек может вопить в суде о виновности волка, а волк вопить о виновности человека не может. Хотя, насколько несладко ему пришлось, я понял, когда увидел следы погашенных ошкуру сигарет и варварски сточенные клыки. Увидел я всё это уже потом, когда Зорро перебрался на жительство в мою квартиру в Дамраке, а тогда просто принял к сведению, что крайняя клетка слева занята серым хищником, которого после инцидента в цирке привезли в зоопарк дожидаться приговора суда.

Была зима, и как-то раз ночью, проходя мимо, я обратил внимание, с какой жадностью волк принохивается к снегу, падавшему с небес. В Голландии, где средняя температура января плюс три градуса, выпадение снега считается аномальным явлением, и волка, поскольку он был диким зверем из Сибири (так, по крайней мере, позиционировал его искусанный ублюдок), это явно взволновало.

Повинуясь внезапному порыву, я открыл клетку, совсем не задумываясь о последствиях, в числе которых потеря работы шла бы под номером один. И не пожалел об этом хотя бы потому, что впервые за много лет искренне повеселился, будучи совершенно трезвым. Повеселил меня дикий сибирский волк, который пропахивал носом в снегу длинные канавки, перекатывался с боку на бок, хватал снег зубами, набивал им полный рот, выплёвывал, и снова набивал, улыбался, и с улыбкой носился галопом по кругу, в центре которого стоял я. Этим он явно давал понять, что готов в будущем рассмотреть мою кандидатуру в качестве центрального, и что в настоящее время убежать не намерен.

Убегать он действительно не намеревался, а зря, потому что будущего у Зорро (так я стал звать его с той ночи) не было. Его приговорили-таки к смерти через усыпление, несмотря на многочисленные протесты защитников животных и гневное письмо Бриджит Бардо, направленное местному конституционному монарху. Монарх был тоже, вроде, против жестокого обращения со зверями, но и ему не с руки было тягаться с голландской системой правосудия, основы которой были заложены аж в шестнадцатом веке. Веке Великой Нидерландской Буржуазной революции!

Мне же, честно говоря, было плевать и на шестнадцатый век, и на буржуазную революцию, и на голландскую систему правосудия. Поэтому, я выкрал волка накануне казни, пусть не так эффектно, как Отто Скорцени Муссолини, но зато с меньшим риском заполучить неприятности в будущем. Муссолини, как известно, заполучил их очень скоро, а мы с Зорро процветаем до сих пор. И всё потому, что я подстраховался – совершил преступление не в свою смену, а в чужую, обеспечив себе при этом надёжное алиби.

Аммар отнёсся к факту появления в доме собаки индифферентно. Лишь поинтересовался:

– Не лает?

– Не лает, – ответил я, ничуть не удивившись вопросу. Поскольку во всех, без исключения, странах Западной Европы хорошая собака – это не лающая собака. Существует куча специальной литературы, посвящённой единственной теме – как отучить собаку лаять. Мно-

жество инструкторов-кинологов пасётся на этой ниве, неплохо при этом зарабатывая. Все они в момент лишились бы своего заработка, если бы граждане Западной Европы сделали выбор в пользу волков. Потому что волки лаять не умеют. Они умеют выть, но делают это крайне редко, и то при условии, что первым начинает вожак. Так как вожаком в нашей стае считаюсь я, то Зорро воет исключительно по моему приглашению.

Повыть мы с ним уезжаем обычно в район аванпортов Эймейден и Хелдер, расположенных в устье канала Нордзе, соединяющего Амстердам с Северным морем. Там садимся на крайнюю оконечность заброшенного мола и, глядя на волны, думаем каждый о своём, изредка подывая.

Сегодня я испытывал особенно сильную потребность поехать к морю, ибо, как говаривал Жак Дорнье: «Если ты сам не готов подумать о своей безопасности, не жди, что об этом подумают другие».

*

Какие же всё-таки у Зорро железные мускулы! Я убеждаюсь в этом всякий раз, когда пытаюсь сдвинуть его с места, а он этого не желает и словно деревенеет, угрожающе скаля зубы. Вот и сегодня пришлось применить силу (подстилка рассчитана на двоих, приятель!), чтобы он освободил мне место. Волк с ворчаньем отодвинулся и, поудобнее устроившись, принялся терзать искусственную кость размером чуть меньше бейсбольной биты. Я улёгся рядом, закинул руки за голову и принялся терзать свой мозг вопросом, – каким образом контора Сикола могла выйти на мой след.

След мой был довольно запутанным и начинался в Чечне, куда я попал после того, как провалил вступительные экзамены в Институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Кем был этот Торез, я не знаю до сих пор, как не знаю и того, что я делал в Чечне. То, что не воевал, это точно. Воевать я научился много позже, когда поступил во французский Иностраный Легион. Поступил, пройдя через многочисленные испытания, которые выдерживают четверо из ста.

С порога, кстати, никому не отказывают, руководствуясь единственным правилом, – не моложе семнадцати, не старше сорока. А дальше начинают изучать вдоль и поперёк, прича заодно к дисциплине и к пониманию того, что делать всё нужно так, как принято в Легионе, даже если эта деятельность сильно отдаёт дурдомом. Изучают при помощи многочисленных тестов, главными из которых считаются медицинский и психотехнический. С тем, что без медицинской комиссии – никуда – кто спорит! А вот морочиться психотехникой, по меньшей мере, не стоило.

Это я понял уже потом, когда сдал действительно главный тест (тест Купера), а вначале, вместе с остальным наивняком, высунув от усердия язык, выбирал из двадцати картинок с изображениями деревьев наиболее импонирующие мне экземпляры (с дуплами и без), соображал, как будут вращаться зацепившиеся друг за друга шестерёнки, и считал какие-то идиотские кубики, плохо поддающиеся счёту из-за разнобоя в их рядах.

Позже, как уже и говорил, я понял, что всё это фуфло. Парня, успешно сдавшего тест Купера, то есть пробежавшего два с половиной километра за десять минут примут даже, если у него в мозгу не крутится ни одна шестерёнка, а вместо головы дупло. Не уложившимся же в десять минут умникам укажут на дверь.

Мы бежали группой в пятьдесят человек. Не указали на дверь только мне и парню с Украины Остапу, погибшему впоследствии в Кот-д-Дивуаре.

Остап погиб, став жертвой очередной кровавой заварушки в Западной Африке. А тогда, после кросса Купера нас с ним отправили на ферму «Бель Эр», расположенную в пятнадцати километрах от города Кастельнодари, где принялись обучать солдатскому ремеслу без всякой жалости и снисхождения.

Обучение включало в себя навыки обращения с оружием (преимущественно сборка и разборка штурмовой винтовки «FAMAS»), физическую подготовку, ориентирование по компасу и по звёздам, основные полевые навыки (средства маскировки, целеуказание, порядок управления огнём, первая медицинская помощь, патрулирование, засады, разбивка лагеря для отдыха), отработку приёмов с оружием и без, и, конечно, строевую подготовку. Нам не давали высыпаться, держа в постоянном напряжении, граничащем со стрессом. Чего бы мы ни делали, на нас кричали и требовали делать всё в два раза быстрее. Причём, кричали по-французски и, если слышали не тот ответ или ответ, прозвучавший недостаточно быстро, били по лицу. Это бесило меня больше всего, ибо, по моему глубокому убеждению, французский язык – это не язык войны. Знаете, к примеру, как надо ответить, услышав приказ: «Вольно!» (Me-tua o-repo!) – «Же ме мет о-репо а воз ордре капораль!» (Есть, вольно, капрал!). А фразе – «Тю пью диспозе!» (Ты свободен, иди!) – соответствует: «Же пью диспозе репо а воз ордре капораль!» (Есть, иди, капрал!). При этом вышеприведённые текстовые экзерсисы сопровождаются экзерсисами процедурными, типа, отдал честь, снял берет, выждал паузу, надел берет, снова отдал честь, развернулся, щёлкнув каблуками безупречно чистых ботинок.

Не бил по лицу лишь капрал-шеф Жак Дорньер, награждая волонтёров подзатыльниками и ободряющими фразами с наиболее часто встречающимся звукосочетанием «мерд» (дерьмо). Дерьмом он называл все, что попадалось ему на глаза, сетуя на жизнь, в которой всё хорошее – либо противозаконно, либо аморально, либо ведёт к ожирению.

Что касается ожирения, то новобранцам оно явно не грозило. При запредельных нагрузках и непрерывающейся ни днём, ни ночью проверке на выносливость, еды выдавали крайне мало. Так что ко времени последнего испытания под названием «ле ре» (рейд) мы были так изнурены, что еле таскали ноги. Ноги же нам были нужны для того, чтобы пройти за три дня порядка ста пятидесяти километров. Маршрут пролегал через горы. Туда людей доставляли на вертолётах, а потом фактически бросали на произвол судьбы. Типа, у вас цель – в кратчайшие сроки вернуться в казармы, а как вы это сделаете – ваше дело. Только учтите, марш носит боевой тактический характер, поэтому необходимо быстро перемещаться на открытых пространствах, лишая потенциального противника возможности прицелиться. Рекомендуется использовать приём «один продвигается – второй прикрывает» и преодолевать преграды в виде деревень и частных владений так, как это принято в боевых условиях, страхуясь от всевозможных засад и ловушек. Кроме того, «ле ре» – это проверка навыков владения радиосвязью, оказания первой медицинской помощи и обращения с оружием, и это не шутки!

В том, что это не шутки, мы убедились в первый же день рейда, когда один наш товарищ упал с обрыва и серьёзно покалечился, а двое других, напившись воды из непомеченного на карте лесного ручья, чуть не отдали богу душу. Впрочем, богу душу чуть не отдали мы все, и только грандиозный пир, который нам устроили в последнюю ночь перед возвращением в лагерь, помог немного расслабиться и снова почувствовать себя людьми.

Но, как выяснилось, расслабляться было рано. В лагере, куда мы вошли утром, как победители, нас ожидало последнее и самое, пожалуй, тяжёлое испытание – чистка вооружения и снаряжения перед сдачей на склад. Во двор вынесли столы, и мы принялись скрести и полировать чёртовы железяки, не подозревая, что этот процесс продлится двадцать четыре часа без перерыва! Что руки будут саднить от спирта, а ноги отекут и поспорят со слоновыми, что мы будем бредить от усталости, но не сможем отдохнуть, пока не закончим работу.

После того, как чёртова работа всё-таки была закончена, нам вручили «кепи блан» (белые кепи) и поздравили со вступлением в Легион. Жак Дорньер не остался в стороне, сообщив, что на днях нас распределят по полкам в соответствии с желанием и количеством мест. Это было что-то новенькое, поскольку до этого нам постоянно внушали – единственная подлинная свобода – это свобода от необходимости делать выбор. А возможность выбора, оказывается, всё-таки существовала.

Я и Остап, с которым мы к тому времени успели подружиться, решили распределиться в тринадцатую полубригаду, базирующуюся на северо-востоке Африки. А если точнее, – в Джибути, расположенном на берегу Аденского пролива у выхода из Красного моря в Индийский океан, если кто не знает.

На прощанье Дорньер посоветовал держаться от политики подальше, сказав:

– О чём бы они ни толковали, они толкуют о деньгах. Вот и вы, парни, думайте только о своих прибылях.

Насчёт прибылей капрал-шеф явно погорячился. Ведь жалование легионера первого года службы составляет всего 1033 евро в месяц, включая проживание и питание. Надбавка за службу в заморском департаменте варьируется в зависимости от места дислокации, климатических условий и интенсивности боевых действий. В нашем случае коэффициент от базовой ставки был максимальным и соответствовал цифре 1,7. Что тянуло на 1756 евро. Тоже не густо. Впрочем, никто при поступлении в Легион больших денег и не обещал. Там обещают другое – возможность начать новую жизнь под новым именем, вписанным в новый паспорт, который, спустя три года, обретёт статус полноценного официального документа, удостоверяющего вашу личность. Как говаривал Жак Дорньер: «Если против тебя факты – оспаривай закон, если против тебя закон – оспаривай факты, если против тебя и факты и закон – вступай в Иностраный Легион». Так как это был именно мой случай, я поменял имя, данное мне при рождении, и аналогичным образом поступают до восьмидесяти процентов волонтёров. Есть среди них, конечно, и мальчишки-романтики, начитавшиеся историй о «солдатах удачи», «диких гусях» и «зелёных беретах», но, в основном, это мужчины, желающие порвать с прошлым, – забыть обо всём и быть забытыми. И это право – быть забытыми, им гарантирует Легион. На практике это означает, что, если вас разыщут родственники (мать, жена, брат, не важно), а вы не захотите их видеть, им ответят: «Такого человека здесь нет». И пронырливых журналистов пошлют куда подальше, и сероглазых представителей спецслужб. Таких, как товарищ Сикол, что всё-таки сумел меня выследить.

Ну что ж, ему же будет хуже. Верно, Зорро? Я толкнул волка локтем в бок, и он ответил мне сдержанным рычанием, обнажив в ухмылке мощные клыки. Вот с такой волчьей ухмылкой я при встрече врежу Сиколу прямой правой, выставив фаланги средних пальцев. Такая техника называется «лапа леопарда» и опасна тем, что вся сила удара концентрируется в одной точке. И этой точкой будет лоб. Потом своё получают рёбра, которых я попотчую ударами «рука-топор», характерными для техники «киокушин» – самой жёсткой из школ каратэ. Если бывший соотечественник после этого устоит на ногах, то будет порадован ударом ботинка под коленную чашечку.

*

Он не давал о себе знать две недели. И появился в тот момент, когда я выходил из Центрального почтового офиса, откуда звонил главному редактору издательства «Гранада» господину Гаршавину. Разговор с главным редактором потряс меня настолько, что я не отделал, как хотел, подскочившего ко мне с лицом, выражающим фальшивое сочувствие, ублюдка. Я, если честно, вообще его не отделал, лишь прорычал: «Прочь с дороги!». Что он с готовностью и выполнил.

Дома я первым делом выпил стакан виски. Потом включил запись группы «The Doors», композиции которой, особенно диск «L.A. Woman», всегда меня успокаивали. «Я приехал в город примерно час назад» – пел Джим Моррисон. А я вспоминал, как три года назад приехал в Амстердам после увольнения из Легиона по причине тяжёлого ранения. Если честно, то не таким уж тяжёлым оно и было, то ранение, хотя шрам на бедре остался, и немаленький. Просто я больше не мог воевать, не мог убивать, не мог видеть кровь. И на это у меня были веские причины.

В Голландии мне посоветовал обосноваться Жак Дорньер, давший, кстати, рекомендации для поступления в школу секьюрити, которой руководил его друг – тоже бывший легионер с пятнадцатилетним стажем. Это был тот самый стаж, который давал право на пожизненную пенсию в тысячу евро ежемесячно. Я же, пробыв в Легионе намного меньше – около четырёх лет, права на пенсию не имел, имея по этой причине горячее желание подзаработать. Поскольку с юности гуманитарные науки давались мне так же легко, как технические и естественные, я решил стать русскоязычным писателем лёгкого жанра. Идея выпекать для московских издательств истории в стиле фэнтези увлекла меня настолько, что я немедленно принялся за дело.

На роль главного злодея я выбрал персонажа, похожего на генерала Гривуса из «Звёздных войн», рубившегося, как известно, двумя лазерными мечами. Мой злодей – его звали Крэгг – сражался четырьмя лазерными мечами, сочетал в себе черты робота и инопланетянина и выглядел устрашающе. Так же устрашающе выглядели проживавшие на родной планете Крэгга роботы-убийцы, которых он готовил к вторжению в другие миры, населённые космическими племенами, среди которых попадались и весьма симпатичные – с преобладанием храбрых мужчин и прекрасных женщин. Один из таких храбрецов по имени Мэтт пробрался однажды на планету Саккарт (вотчину Крэгга) и принялся сеять среди роботов смуту. Типа, давайте, ребята, поднимайте восстание, свергайте ненавистного правителя и начинайте жить мирно и счастливо, как живут все нормальные обитатели Вселенной. Путь Мэтта, как водится, был нелёгким. Он был усеян терниями и самыми настоящими железными шипами (в том числе отравленными), регулярно впивавшимися в его мужественное тело. Но всё-таки дело своё Мэтт сделал, и угнетавший роботов Крэгг получил по заслугам, в полной мере насладившись их мстостью.

Роман так и был назван – «Мсть роботов». И отправлен в издательство «Гранада». Я выбрал его, как числившееся в ряду самых крупных, резонно полагая, что там и заплатят больше. Из информационного блока сайта издательства следовало, что сроки рассмотрения рукописей – от двух до трёх месяцев. Поэтому, настроившись на долгое ожидание, со спокойной душой принялся за новый роман – «Война роботов».

Но не прошло и трёх недель, как спокойствие из моей души ушло. Ибо я понял – мой первый роман – дерьмо. Понял, потому что на страницах второго – действительно запылилась нешуточная война. Там настоящие герои изгоняли героев выдуманных. Выдуманными были все эти Крэгги, Мэтты и роботы-убийцы. Сквозь их плоские картонные образы проступали реальные черты моих боевых товарищей, изъяснявшихся совсем другим языком, действовавших, исходя из совсем других побуждений, и плевать при этом хотевших на то, что, выламываясь из рамок заданного жанра, они загоняют в тупик меня.

Выход из тупика был только один – писать так, как хочется, и о том, что действительно знаешь.

И я стал писать о Западной Африке, где аромат пальмового масла сливается с запахом морского прибоя, где орхидеи с блюдце величиной ковром покрывают стволы гигантских деревьев, где огромные фонтаноподобные папоротники взмётывают к небу ажурные, покрытые спорангиями листья. И где периодически льётся кровь из-за возникающих то тут, то там родоплеменных междоусобиц.

Они возникают всегда неожиданно и вроде бы без причины, и так же неожиданно заканчиваются. Белые люди объясняют это по-разному. Одни считают, что всё дело в нестабильности политических систем африканских государств, а также в недостаточной приверженности их граждан общедемократическим ценностям. Другие воспринимают локальные гражданские войны, как коллективные приступы кровожадной моноμανии, напрямую связанной с климатом, с этой душной, влажной, знойной атмосферой, которая, как гроза, давит на нервную систему человека, пока, наконец, та не взрывается. По их версии – сидит у себя в хижине какой-нибудь анья – человек простой и добродушный, – сидит и тянет свою пальмовую настойку –

отупевший, равнодушный, вялый, и вдруг хватает нож и бросается в соседнюю деревню, где живут сенуфо. По дороге к нему присоединяются другие анья, уже с автоматами Калашникова наперевес. Сенуфо, взбешённые нападением придурка с ножом, встречают пришельцев огнём гранатомётов...

Правителя государства Берег Слоновой Кости звали Феликс Уфуэ Буэньи, и он не был согласен ни с одной из этих теорий. Он был уверен – кровь льётся из-за Омуду и Эшу – богов религии макумба-кимбанда, которую исповедовал его народ. Омуду был богом войны, а Эшу – заведовал тёмными сторонами человеческой души, и оба привыкли к жертвоприношениям. Уфуэ Буэньи родился в самом начале двадцатого века и с детства преисполнился отвращением к человеческим жертвоприношениям, когда тому, на кого падал кошмарный жребий, сначала отрубали голову, потом руки и ноги, а затем вскрывали грудную клетку, чтобы достать сердце и лёгкие. Ребёнком он не мог заставить себя подойти к алтарю, на котором лежала вся эта расчленёнка вперемежку с другими подарками богам – бобами какао, обжаренными в масле зёрнами кофе, ананасами и плодами киви.

Неудивительно, что, став правителем, он запретил молиться местным божкам, сделав ставку на великого и милосердного бога белых людей Иисуса Христа. Чтобы всем стало ясно, насколько могущественен этот христианский бог, Уфуэ Буэньи принялся строить в своей родной деревне Ямасукро величественный храм, долженствовавший превзойти по размерам храм Святого Петра в Риме. И действительно, по мере возведения гигантского сооружения, дела в государстве шли всё лучше и лучше. В то время, как большая часть Чёрного континента неуклонно деградировала, скатываясь к нищете и анархии, как следствию непрекращающихся гражданских войн, Берег Слоновой Кости превращался в самую процветающую страну постколониальной Африки, став лидером по производству пальмового масла и какао.

Когда самый большой на земле христианский храм был построен, его приехал освящать сам Папа Римский. После чего Уфуэ Буэньи перенёс столицу из миллионного Абиджана в Ямасукро, и стал готовиться к смерти. Умер он, когда ему перевалило за девяносто, и почти сразу Берег Слоновой Кости, получивший новое название – Кот-д-Дивуар, – скатился в пучину нестабильности, а потом и гражданской войны. Когда она была вялотекущей, это никого особо не трогало. Но когда отморозки с обеих сторон принялись сгонять с земли иммигрантов-фермеров, вследствие чего на Нью-йоркской бирже взлетели цены на какао, мировая общественность взволновалась, и из Джибути в Абиджан срочно был переброшен дополнительный контингент войск французского Иностранного Легиона.

Легионеры расположились в буферной зоне, разделявшей проправительственную армию и формирования повстанцев. И по иронии судьбы этой зоной стала Ямасукро – родная деревня Уфуэ Буэньи. Африканские боги брали реванш, они торжествовали. Ведь на предхрамовой площади столицы, окружённой двумястами семьюдесятью двумя дорическими колоннами (каждая – высотой тридцать один метр), рвались бомбы и снаряды, а в опустевший христианский храм не приходили молиться о мире испуганные прихожане. Омуду и Эшу снова приступили к кровавой жатве, доказав тем самым, – существование древних языческих богов не зависит от воли человека. Их нельзя запретить указом и изгнать из дома, как надоевших родственников. Они всегда рядом, они здесь, даже, если их капища заброшены, а алтари не орошаются кровью приносимых в жертву животных и людей. Они сами возьмут себе крови, сколько захотят. И они брали. Потому что потери несли и противоборствующие группировки, и мешавшие им выяснять отношения легионеры.

Днём возле позиций миротворцев устраивали манифестации (типа «Убирайтесь домой!») толпы протестующей молодёжи. А ночью та же молодёжь, в основном, подростки четырнадцати-шестнадцати лет совершали вооружённые нападения на лагерь, молотя из «калашей» куда придётся и в кого придётся. Однажды, после одного такого набега легионеры не досчитались двух своих товарищей. Нашли их спустя несколько дней на кофейной планта-

ции близ Ямасукро. Головы были отделены от тел и насажены на колья, воткнутые в землю. Рядом с изуродованными туловищами (внутренности наружу) лежали отрубленные руки и ноги.

Описание этой сцены далось мне непросто не потому, что описывать такое в принципе нелегко, а потому что я сам был в числе легионеров, обнаруживших страшные останки.

Одного убитого звали Бранко Радич (он был родом из Хорватии), другим был Остап. Я рванулся вперёд, не обращая внимания на крик сержанта Поля, приказывавшего остановиться. И обязательно расстался бы с жизнью, если бы не огромный гриф, отделившийся от расположившейся неподалёку стаи падальщиков в желании полакомиться напоследок глазами покойников. Он сел на голову Бранко и уставился на меня, прикидывая разделяющее нас расстояние. И тут раздался взрыв. Малолетние ублюдки приготовили ещё один подарок! Эта мысль была последней на фоне гаснущего сознания, после чего наступила темнота.

Позже, в госпитале, сопоставив рассказы ребят с собственными ощущениями, я понял благодаря чему уцелел – шрапнельная мина, находившаяся под каской Бранко, была направленного действия, наподобие советской МОН-100 (а может, это и была МОН-100!), и для летевших компактным роем осколков основной мишенью стала птица, разорванная ими в клочья.

*

Джим Моррисон пел: «Ты знаешь, день стирает ночь, ночь разделяет день...», когда я выключил CD чейнджер и стал собираться на работу. Сегодня я выходил в ночную смену, и по дороге в зоопарк, да и потом, бродя между вольеров, думал только об одном: «Почему Гаршавин отклонил мой роман?» Он сказал:

– К сожалению, мы ваше произведение не приняли.

– Не приняли?! – Я не поверил своим ушам. – Но почему?

– Без комментариев, – сухо произнёс он. – Не приняли, и всё.

– Пожалуйста, назовите причину! – взмолился я, ничего не понимая. – Вы отклонили мой первый роман «Мечь роботов» по причине плохого стиля и неинтересного сюжета. И это правильно. «Мечь роботов» – действительно неважный роман. Но этот – действительно хороший! Я, честно говоря, думал, что у вас возникнут претензии только к его названию – «Они возвращаются, потому что никогда не уходили».

– Да уж, с названием вы перемудрили! – засмеялся главный редактор. – А насчёт претензий, то пока они у вас могут быть только к самому себе. Так что, пишите, набирайтесь опыта и присылайте нам свои произведения. Всего хорошего, успехов!

С этими словами он повесил трубку, а я ещё минут пять оставался в кабинке междугородней связи, не решаясь выйти из-за шума в голове, сквозь который пробилась единственная здравая мысль: «Надо закрывать этот проект к чёртовой матери!»

Ведь претензий к самому себе у меня не было. Я работал над романом «Они возвращаются...» больше двух лет, и как работал! Поняв, что невозможно хорошо писать, не научившись хорошо мыслить, хорошо чувствовать, и отличать (в эстетическом плане) стоящее от нестоящего, я с рвением новообращённого занялся самообразованием. В ущерб сну и отдыху я читал классиков русской, европейской и американской литературы, посещал музеи, выставки, концертные залы, знакомился через интернет с крупнейшими явлениями мировой культуры, с художественными течениями и стилями, осваивал наиболее употребительные понятия теории искусства и терминологию, принятую в архитектуроведении. Все свои выпавшие на этот период отпуска, праздничные дни, да и просто выходные, я провёл, колеся по Европе в поисках новых эстетических впечатлений. Однажды, в мае проехал более пятисот километров до Гамбурга только для того, чтобы попасть на премьеру некоммерческого альтернативного фильма «Былая радость», и ничуть об этом не пожалел. Потому что фильм того стоил. Я смог по достоинству оценить работу режиссёра Келли Рейнхарда исключительно

потому, что вырвался уже к тому времени из «тёмного невежества глухого». Тогда же, в Гамбурге понял – каждую новую книгу писать (каждую новую картину снимать) надо так, будто она последняя в жизни. Ничего не оставляя про запас. «Они возвращаются, потому что никогда не уходили» я писал с полной самоотдачей, так, что написать лучше не мог уже при всём желании. Вернее, мог, в части, касающейся стиля (типа, никакой приблизительности – нужные слова в нужном месте), но в целом, предел был достигнут. И этот предел показался Гаршавину лишь первой ступенькой лестницы, ведущей к вершине настоящего мастерства!

Сомнения терзали мою душу. Ибо, о каком мастерстве могла идти речь, если издательство «Гранада» издавало книги авторов, позволявших себе фразы, типа – «Он кивнул головой» (а чем ещё можно кивнуть – рукой, ногой, или...?), «Вошёл хорошо выхолощенный чиновник» (холощёный, на минуточку, означает кастрированный), «Двор покрывал густой мусор» (без комментариев), «Он снял плащ и повесил на предплечье» (может, всё-таки перекинул через руку?).

Такой перлит (имеется в виду не строительный материал, а совокупность вышеперечисленных перлов), может вдохновить на зарисовку, типа: «Во дворе, покрытом густым мусором, стоял хорошо выхолощенный чиновник. Он снял плащ и повесил на предплечье. Потом кивнул головой».

– Продвигаясь вдоль стен, я совался дулом в каждый проём, в каждую дверь.

Кто это сказал? Не я, точно.

Резко обернулся и увидел ухмыляющегося Сикола.

– Это сказал герой романа «Честь – любой ценой» спецназовец Волин, – пояснил он, сделавшись серьёзным. – Автор – некто Тушков. Тоже, кстати, печатается в «Гранаде». Вы случайно не знаете, как можно сохранить честь любой ценой? Я вообще-то всегда считал, что честь цены не имеет.

Я хотел было сказать: «Да ладно, работая в таком ведомстве...». Но он меня опередил, сообщив, что будет очень разочарован, услышав банальную чушь насчёт его службы в силовых органах.

– Вы же не жалкий совок, который дефицит собственной потенции возмещает верой в потенцию «большого брата»? Нет? Ну вот, тогда и принимайте меня таким, как я есть. Я Сикол. И этим всё сказано.

Я хотел было послать его на три буквы, но он снова меня опередил, заявив:

– Туда я пойти всегда успею. Давайте лучше о вашей рукописи поговорим. «Они возвращаются, потому что никогда не уходили». Потрясающее название! И роман замечательный! Примите мои поздравления!

– С чем? – мрачно спросил я. – Его же не приняли. И вам это прекрасно известно.

– Известно, – не стал отпираться Сикол. – Но мне также известно и другое. А именно то, что Гаршавин его не читал.

– А он в принципе и не обязан, – пожал я плечами. – У него есть штат сотрудников, и он им доверяет.

– Нет, – затряс головой мой собеседник. – Вашу рукопись вообще никто в «Гранаде» не читал. Гаршавин положил себе за правило не рассматривать произведения тех авторов, кто не прошёл с первого раза. А вы с вашей «Местью роботов» не прошли.

– Чушь, – сказал я, начиная нервничать. – Он же не отказал в рассмотрении второго моего романа! Наоборот, сказал, присылайте обязательно, первая неудача ещё ничего не означает.

– А я настаиваю на том, что никто в «Гранаде» вашу рукопись не читал, – выпучил свои серенькие глазки Сикол. – Могу в этом поклясться. О! Могилой своей матери клянусь!

– А что, ваша мать уже умерла? – не удержался я от недопустимого в других обстоятельствах вопроса.

– Нет, – не моргнув глазом, ответил он. – И вряд ли когда-нибудь умрёт. Я поклялся её могилой, потому что у вас так принято.

«У кого это «у вас?»», – подумал я. А вслух сказал:

– Похоже, ты, парень, всё-таки из «конторы».

Он фыркнул, как оцелот, у клетки которого мы как раз стояли, и закатил глаза к небу, типа, удивляясь моей тупости. Потом вдруг его губы растянулись в улыбке:

– Я рад, что мы перешли на «ты». – Он удовлетворённо потёр руки. – Я ведь твой друг, а друг это...

– Кончай гнать про дружбу, – оборвал я его. – И вообще, вали отсюда.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился он. – Отвалю прямо сейчас. Поговорим завтра, когда всё станет ясно.

Я хотел было спросить: «Что станет ясно?» Но не спросил, так, как и сам уже понял, – завтра с утра пойду звонить Гаршавину с целью внести ясность в наши отношения.

*

Гаршавин вначале сделал вид, что меня не узнал, и не понимает, о каком произведении идёт речь.

– Ах, Бредар, да, да, припоминаю. Роман «Они возвращаются...». Ну и что вы от меня ещё хотите?

– Я хочу, чтобы вы ознакомили меня с вашей внутренней рецензией.

– Исключено, – зло произнёс он. – Это против наших правил. Мы этого никогда не делаем.

– А для меня сделайте исключение, – я старался не терять самообладания. – Я ведь живу вдали от Родины, в Амстердаме. С соотечественниками общаюсь нечасто и это для меня, как праздник. Неужели так трудно поговорить со мной по-человечески?

– Ну и о чём вы хотите поговорить? – явно смягчаясь, спросил он.

– О стиле, – ответил я. – О моём стиле, который вам так не понравился.

– Так, ладно. – Было слышно, как Гаршавин кликает мышью и читает себе под нос фрагмент первой страницы моей рукописи. – Стиль у вас какой-то чересчур brutальный. От Арча Стрейтона что ли нахватались. Вот, смотрите, цитирую – «Филлип Боссан, шатаясь, вылез из машины, и сел на землю, прислонившись к колесу, – сорванная с головы кожа свисала с уха, кровь, поблёскивая, стекала по щеке и капала на правое плечо, где темнело вытатуированное изображение королевской лилии, венчающей кольцо». Вы понимаете, что то, что хорошо у Арча Стрейтона в его «Универсальном солдате», плохо у вас, когда вы описываете войну роботов?

– Я не описываю войну роботов, – сказал я. – Я описываю реальную войну.

– А возвращается тогда кто, инопланетяне? Вы же назвали роман «Они возвращаются, потому что никогда не уходили»! И потом, эта лилия, венчающая кольцо. Разве это не тавро, которым метят в вашем романе роботов-убийц?

– Это не тавро. Это эмблема французского Иностранного Легиона, основанного в тысяча восемьсот тридцать первом году согласно декрету короля Луи Филиппа Орлеанского, задумавшего убрать из страны остатки иностранных полков Наполеона, представлявших серьёзную опасность для власти. Отправив их в Северную Африку, он...

– Я не хуже вас знаю историю, – раздражённо перебил меня Гаршавин. – Так что хватит отнимать у меня время. Почитайте лучше других авторов, поучитесь у них, а когда напишите что-нибудь стоящее, присылайте нам.

Произнеся этот текст, он повесил трубку, не дав мне возможности произнести свой текст, который был бы поучительным для авторов «Гранады» в смысле использования идиоматических выражений.

А может и хорошо, что он не дал мне этой возможности, этот урод, водивший меня за нос пять месяцев! Фактически издевавшийся надо мной! Если бы я его обложил, я бы тем самым снова вступил в контакт с этой мразью, а я этого категорически не хотел. Как не хотел вступать в контакт вообще ни с кем. Кроме Зорро, с которым мы отправились к устью канала Нордзе – повить, глядя, как волны Северного моря набегают на берег, разбиваясь о мол.

Волк сидел неподвижно и внимательно наблюдал за стремительно летающими над водой бакланами, ловко выхватывающими рыбу длинными, с острыми крючками на конце, клювами. Я тоже за ними наблюдал и думал о несчастной судьбе своего романа, написанного, как ни высокопарно это звучит, моей кровью и кровью моих товарищей. При этом себе как автору я почти не сочувствовал. Зато остро чувствовал свою вину перед Бранко и Остапом, которых принёс в жертву своим писательским амбициям. Ведь, описав их жуткую кончину, я словно бы заставил их снова умереть, пройдя через нечеловеческие мучения. И вот теперь они валяются уже окончательно убитые в мусорной корзине гаршавинского компьютера вместе с истовым христианином Уфуэ Буаньи и моими надеждами увидеть своё произведение изданным. Почему и надежды в мусорной корзине? Да потому что от одной мысли – отправить роман в другое издательство и снова месяцами ждать ответа, – хотелось блевать!

Должно быть, взор мой был блуждающим и не сфокусированным, ибо я не сразу заметил Сикола, сидевшего по правую лапу от Зорро, в то время, как сам я сидел по левую. Станным мне показалось и то, что волк не выказывал по этому поводу никакого недовольства, и то, что Сикол не проявлял к моей персоне никакого интереса. Он глядел в морскую даль, весь подавшись вперёд, и походил неподвижностью на деревянную фигуру языческого божества, вроде тех, что украшали носы боевых челнов викингов.

Почувствовав мой взгляд, он повернулся.

– Ну, что, убедился, что пять месяцев тебе делали мозги?

Я кивнул.

– Только я не понимаю, зачем им это понадобилось? Гаршавину тому же самому.

– А затем, что он садист, – быстро произнёс Сикол, словно только и ждал этого вопроса. – Он самый настоящий садист, каких ты, наверняка, встречал на войне.

– А при чём здесь война? – не понял я.

– А при том, что нет разницы между извергом в камуфляже, физически терзающем свою жертву и, в конце концов, вырезающим ей сердце, и извергом в цивильном костюме, мучающим человека заведомо тщетным, многомесячным ожиданием и надрывающим ему сердце немотивированным отказом.

– Нет, – не согласился я. – Это перебор. Разница всё-таки есть.

– Для тебя есть. – Сикол упёр в меня указательный палец. – Для сильного, тренированного парня, прошедшего выучку у капрал-шефа Жака Дорньера. Но не для копирайтера местного телевидения из Костромы, умершего на прошлой неделе исключительно по вине садиста Гаршавина. С ним он поступил ещё гаже, чем с тобой. Не просто отклонил его первый роман, но послал ему почти хвалебную рецензию с предложением изменить концовку и поработать над стилем. Обрадованный копирайтер не только полностью переделал свой роман, но и написал книгу-продолжение, не подозревая, что в «Гранаде» его творения прямиком отправятся в мусорную корзину. А ведь он творил, отрывая время от сна, забросив детей и жену, которая, устав скандалить, практически в одиночку тянула дом, горбатясь на двух работах, плюс дача с огородом. И что? После полугодичного ожидания – отказ по существу, и отказ аргументировать этот отказ. Не приняли и всё. Пишите и обрящете. Всего хорошего, успехов вам и творческих удач. Писать несчастный копирайтер больше ничего не стал, так как обрёл в тот же день вечный покой, наступивший по причине остановки сердца. Он умер, не подозревая, что материальная составляющая успеха, которого он так жаждал, исчисляется всего лишь шестьюстами

долларами США. То есть, по триста долларов за роман. В такую сумму издательство «Гранада» оценивает труд начинающих писателей.

– Триста долларов?! – переспросил я, не веря своим ушам. – Не может быть! Это же... Да это же вообще ни на что не похоже!

– Похоже, – усмехнулся Сикол. – Это похоже на хрен с маслом. Или на селедочную голову, являющуюся голландским символом полного облома. Но самое интересное, что большинство авторов прекрасно осведомлено об условиях сотрудничества.

– И что, всё равно пишут?

– Пишут, – кивнул он. – Ты же пишешь.

– Я не знал, что сумма аванса так позорно мала. Если бы знал, то «Мечь роботов» точно не написал бы.

– А «Они возвращаются...»?

– Не знаю, – немного подумав, сказал я. – Может, да, а может, нет.

– Нет – исключено, – безапелляционно заявил Сикол. – Потому что настоящие книги пишутся не ради денег, а ради того, чтобы и за пределами своей жизни остаться среди людей, и тем оградить себя от неумолимого врага всего живущего – тлена и забвения.

Сказанное показалось мне чересчур пафосным – и по форме, и по содержанию, и я сказал:

– Когда писал, то не думал, что пролагаю себе этим путь в бессмертие.

– Думал, – упрямо мотнул головой Сикол. – Ты просто не отдавал себе в этом отчёта. Что же касается идеи бессмертия, то она – самый большой человеческий соблазн. Искушение, перед которым невозможно устоять. Эксплуатируя эту идею, новые религии – иудаизм, христианство и ислам, сбросили в своё время с пьедестала древних языческих богов, делавших упор на прославление природы и человека, как царя её, но не обещавших последнему жизни после смерти.

Я поморщился.

– А без религиоведения нельзя?

– Можно, – улыбнулся мой собеседник. – Только суть от этого не изменится. А суть в том, что все хорошие книги сходны в одном, – каждому прочитавшему кажется – эта история действительно случилась, и так навсегда она при нём и останется. История же эта – твоя. И всё там твоё – и ужас, и восторг, и печаль, и сожаления, люди и места, и какая была погода. О чём бы человек ни писал, он пишет о себе. А теперь представь, что читатель у тебя не один, – их сотни, тысячи, десятки, а может, и сотни тысяч. И в каждом из этих сотен тысяч сердец будешь жить ты. Пусть на пространстве не больше молекулы или атома, но будешь жить. Это ли не истинное бессмертие?

Сикол встал, театральным жестом откинул со лба волосы и продекламировал:

О, книги, в вечность, врезающиеся, как нож!

О, толстые книги, написанные от руки!

Сколько упорства, терпенья и жадной тоски,

Сколько согнутых спин, сколько рук, одолевших дрожь!

Последнюю строчку он почти пропел, сильно растягивая гласные, как это любят делать поэты, читающие собственные стихи. И Зорро, подняв морду к небу, поддержал его протяжным воем.

Боясь, что поэтический утренник (да ещё с вокальным сопровождением) будет продолжен, я быстро спросил:

– А почему ты решил, что мои книги способны врезаться в вечность? Я и пишу, кстати, на компьютере, без преодоления дрожи в руках.

– А это неважно, каким образом ты создаёшь свои тексты, – строго глянул на меня Сикол. – Важно несомненное присутствие в них энергетического заряда. А энергетическую составляющую искусства, понимаемого, как художественное творчество, люди ценят больше эстетической. Примером тому может служить феномен Владимира Высоцкого, который щедро делился с людьми жизненной силой. Делится и сейчас, после своей физической смерти, помогая жить и спасая от безумия.

– Не все его слушали, – возразил я, больше из духа противоречия, чем по делу.

– Не все, – согласился Сикол. – Но те, кто скорее был жив, чем мёртв, слушали.

– А знаешь, – сказал я, решив быть откровенным. – Я ведь тоже сейчас не очень-то и жив. В том смысле, что вряд ли смогу в будущем написать что-либо стоящее. А от мысли отправить «Они возвращаются...» в другое издательство блевать тянет. Так что я решил завязать с писательством в принципе. Закрывать, короче, проект.

– Брось. – Он хотел похлопать меня по плечу, но не решился и потрепал по загривку Зорро. – Закрывать проект уже не в твоих силах. Ты уже вкусил от запретного плода и не сможешь жить, не творя. Правда, творить, и очень успешно, ты сможешь при одном условии, – если рассчитаешься с Гаршавиным. Потому что невозможно приступить к новому, не расквитавшись со старым.

Потому что потому, окончание на «у». И начало тоже на «у». Потому что слово «убить», а Сикол явно предлагал мне убить главного редактора «Гранады», начинается на эту букву. Я же не собираюсь больше произносить никаких слов и букв. Я просто сброшу этого начинанного гада в море и буду смотреть, как он, выпучив глазёнки, машет ручонками, выгребая к берегу.

Я взглянул на окончательность мола, прикидывая, сколько метров придётся пробежать с брыкающимся уродом подмышкой. Потом перевёл взгляд на урода и поразился его бесстрашно вздёрнутому подбородку и гневному сверканию серых глаз.

– Дурак, – произнёс он с презрением, отчего сразу захотелось дать в морду. – Неужели ты ещё не понял, что я умею читать чужие мысли? С небольшого, правда, расстояния, но умею. И меня тошнит от путаницы в твоей башке, обусловленной наличием многочисленных комплексов, главным из которых является комплекс неудачника. В мыслях ты всё время возвращаешься к периоду своего киллерства в России, не просекая при этом причинно-следственной связи. А она очень проста и заключается в том, что ты совершал заказные убийства ровно до той поры, пока не почувствовал себя отомщённым. То есть, пока представители политической и бизнес элиты не расплатились, в твоём понимании, за своё тупое и жадное правление, не оставившее таким, вернувшимся из Чечни парням, как ты, шанса на достойную жизнь. Потом ты уехал из страны, поступил в Иностраннный Легион и начал с чистого листа. Угрызениями совести при этом не мучился. Верно?

– Верно, – против воли произнёс я. – Я и сейчас ничем таким не мучаюсь. Просто вспомнил об этом, как ты говоришь, периоде исключительно в связи с твоим появлением на моём горизонте.

– Ага. И всё ещё думаешь, что я из «конторы»?

– Да ничего я не думаю. – Я пристегнул поводок к ошейнику Зорро, намереваясь уехать.

– Нет, подожди! Мы ещё не договорили. – Сикол схватил за ошейник волка, который (диво дивное!) лизнул ему руку. – Ты думаешь, я приехал из России с целью вынудить или уговорить тебя убить Гаршавина? Это полная чушь, и я тебе неоднократно об этом говорил. Я здесь для того, чтобы помочь тебе справиться с душевной травмой, нанесённой садистом. Справиться же можно лишь одним способом, – расквитавшись с ним. Нет, физического его существования мы прерывать не будем. Мы прервём его деятельность, как главного редактора, причём навсегда. Означает это, что из «Гранады» его уволят и никуда больше не возьмут, даже близко ни к какому издательству не подпустят. И тогда – вперёд, к новым свершениям. А они

у тебя обязательно будут, ибо ты принадлежишь к числу тех счастливичков, которые не только умеют писать, но и имеют о чём писать. Рассказ Жака Дорнье об операции «Леопард», например, так и просится на бумагу! Кровавые события в Заире в Катанге, где сотни французов были убиты, но тысячи спасены, благодаря легионерам. Разве ты не хочешь рассказать эту историю?

– Не подходи ко мне больше, – смиренно попросил я, распираемый желанием дать этому, так много знавшему обо мне человеку хорошего пинка. И добавил: – Пожалуйста.

Он продолжал верещать о кровоточащей ране в моей душе, и о том, что с ней я не смогу написать ни строчки, но ровное шуршание шин моего велосипеда вскоре стало единственным доступным мне звуком. Если не считать шума ветра в ушах и ритмичного постукивания об асфальт когтей Зорро, бежавшего рядом.

*

Самым неприятным было то, что Сикол оказался прав. Я не смог преодолеть в себе тяги к писательству. Старался, но не мог, ловя себя на том, что часами неподвижно сижу, уставясь в белую стену, а в голове идёт непрерывная работа. Там встраивались в сюжетную канву воспоминания и факты, и диалоги набегали друг на друга, пихаясь локтями. В конце концов, не выдержав пытки, я набрал на компьютере первую фразу своего нового романа: – «В среду семнадцатого мая около десяти часов утра в кабинете командира 2-го парашютного полка Иностранного Легиона зазвонил телефон». Набрал и почувствовал, как к горлу подкатила тошнота, ибо я мгновенно представил сидящего у себя в кабинете, похожего на паука Гаршавина, тянущего, плотоядно усмехаясь, к телефонной трубке свои мохнатые ручки-лапки. Не зная, как он выглядит на самом деле, я продолжал содрогаться от омерзения, пока не пересел от компьютера к уже привычной белой стене. Там снова принялся обдумывать сюжетные ходы романа, беззвучно шевеля губами в желании запомнить генерировавшиеся мозгом со скоростью, сравнимой с пулемётной очередью, диалоги. Я понимал, что нужно срочно начать писать иначе голова лопнет от переполнявшего её виртуального текста. Но не мог заставить себя подойти к компьютеру. Все мои попытки заканчивались неудачей. Одного взгляда на монитор хватало, чтобы всё, связанное с новым романом, вылетало из головы. Зато вспоминалось, как сидел ночами над «Они возвращаются...», и как глумился надо мной подонки Гаршавин. Сикол, кем бы он там ни был на самом деле, оказался прав, – я не мог заставить себя забыть о существовании подонка. И это бесило.

Сикол заявился, когда я пробовал писать от руки. Это было отвратительно. И походило на то, как, если бы бегущего по цветущему лугу человека заставили бежать по этому же лугу в противогазе. Взгляд запутывался в корявых буквах, как ноги в траве, и горло перехватывало, но не из-за воображаемой резиновой маски, сжимавшей лицо, а из-за негодования, что приходится заниматься ерундой.

Сикол так и спросил, когда впёрся в комнату:

– Заниматься ерундой ещё не надоело?

– Чего надо? – осведомился я, пряча исписанные листы в файловую папку.

– Поговорить, – пожал он плечами. – Мне показалось, что ты созрел для продолжения разговора.

– Возможно, – сказал я, усаживаясь на стул и жестом предлагая гостю последовать моему примеру. – Только начнём мы с прояснения твоей личности. Ты не против?

– Очень даже «за»! – Гость плюхнулся в кресло, взгромоздив ноги на журнальный стол. – Ты не против? – Он посмотрел на свои щегольские летние туфли.

– Чувствуй себя, как дома, – успокоил я его. – Итак, кто вы, мистер Сикол?

– А я не Сикол, – заявил он, невинно тараща глазки. – Я Локис. Слышал о таком?

– Вообще-то, так звали собаку моего соседа, когда я жил в Твери. Чёрного терьера.

– Он на медведя был похож? – быстро спросил бывший Сикол.

– Ну, в общем, скорее – да, чем – нет.

– Тогда у твоего соседа всё в порядке с пониманием того, что такое общность образной системы, обусловленная единством содержания, или, коротко говоря, с пониманием, что такое стиль. Потому что в западнославянском эпосе Локис – это похожее на медведя демоническое существо.

– И ты хочешь меня убедить, что это ты?

– Нет, – мягко улыбнулся мой гость. – Потому что я не Локис. Я Локи – бог-АС Северного проекта.

Я надул щёки и медленно выпустил изо рта воздух, подняв к потолку глаза.

– Не веришь? – Забарабанил пальцами по стеклянной поверхности стола бывший Сикол. – Не веришь тому, что сам написал? А написал ты «Они возвращаются, потому что никогда не уходили». Вот я и вернулся, в смысле, предстал перед тобой, потому что никогда и никуда не уходил.

– Допустим, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал, как можно более равнодушно. – Но зачем весь этот туман – сикал, какал, потом Локис? Так бы и сказал с самого начала, что ты Локи.

– Нельзя, – затряс он головой. – Так не положено. Положено, чтобы ты вначале привык ко мне. Кстати, Сикол – это Локис наоборот. Я думаю, ты уже догадался.

– Это не трудно, – кивнул я, прикидывая, что лучше – спустить сумасшедшего с лестницы или вышвырнуть из окна. – Трудно понять, зачем ты, вообще, медведем назвался.

– Локис не обычный медведь, он мой дальний родственник по польской линии, – с достоинством произнёс сумасшедший. – А назвался я им, чтобы облегчить тебе понимание моей ипостаси, как бога. Исходя из постулата об этнокультурной близости польского и русского народов.

Я хотел было схватить его за шиворот со словами: «Будет тебе сейчас и постулат, и этнокультурная близость!», но он с быстротой распрямившейся пружины вскочил с кресла и упёр в меня указательный палец, как американский полицейский из голливудского фильма.

– Даже не думай! – произнёс он в той же голливудской манере. – Забыл, что я умею читать чужие мысли? Правда, с небольшого расстояния, но умею. И я докажу тебе, что я действительно Локи. Вот ты сидишь здесь две недели, как затворник, обдумываешь свой новый роман, и ни одна живая душа не знает, о чём он. А я знаю. Я даже название для него придумал. «Операция Леопард». Звучит, по-моему, неплохо.

– Неплохо, – согласился я, уже мало что понимая. Если честно, то вообще ничего. Поэтому и попросил, в конце концов, прояснить ситуацию.

– А ситуация очень проста, – сказал Сикол-Локис-Локи, снова усаживаясь в кресло. – Во-первых, ты должен научиться называть меня Локи. Просто Локи. А во-вторых, коснёмся немного истории вопроса. Когда-то в доантичную эпоху так называемого тысячелетия Весов над водами Ледовитого океана возвышался материк Гиперборея, населённый соответственно гиперборейцами. В центре полярного континента находилось внутреннее Гиперборейское море, тёплые воды которого смягчали северный климат, делая его приемлемым для жизни. Ты спросишь, почему море было тёплым? Отвечу. Дело в том, что в этом месте в земной коре наличествовала глубокая трещина, пропускавшая потоки воды в земные недра, к раскалённому ядру планеты. Прогреваясь, вода выходила вновь на поверхность, а циркуляция внешних океанических течений препятствовала образованию ледяных торосов. Ты можешь, конечно, всему этому не верить, но есть подлинная карта Меркатора, скопированная с ещё более древней, на которой чётко воспроизведена северная область с четырьмя океаническими течениями, омывающими материк с озером-морем. Ты, кстати, знаешь, кто такой Меркатор?

– Знаю, – соврал я, запоздало подумав, что врать, по меньшей мере, не стоило.

Локи тоже, видимо, об этом подумал, но вида не подал, невозмутимо сообщив, что цилиндрическая равноугольная проекция карты мира, предложенная жившим в средние века фламандским картографом Герхардом Кремером (латинизированная фамилия Меркатор) и ныне используется для морских карт.

– Да, – сказал он, немного помолчав. – Приличным человеком был Герхард Кремер, в отличие от подонка Снорри Стурлусона.

– А кто такой Снорри Стурлусон? – из вежливости спросил я.

– Автор пасквиля, претендующего на эпическое произведение, под названием «Младшая Эдда». Ты, если на неё наткнёшься, прочитай, конечно, но не дай себя развести. Пафосу много, а правды ни на грош. Этот Снорри, представляешь, обзывает меня злым демоном и сообщает, что Гиперборея затонула по моей вине.

– Да, бывает, – почесал я затылок. – А она затонула?

– Затонула, – махнул рукой Локи. – Произошёл тектонический сдвиг, из трещины пошёл горная порода, и воды Гиперборейского моря затопили материк. Ну, а потом всё стало обледеневать к чёртовой матери, и началось великое переселение народов. Вернее, одного народа – гиперборейского, расселившегося по землям европейского континента. В настоящее время это территория Англии, Германии, Голландии, Дании, Норвегии, Швеции и Исландии. Собственно, эти страны мы и курируем.

– Кто это «мы»? – спросил я.

– Мы – это боги Северного проекта. АСЫ и ВАНЫ. АСЫ – это боги первого порядка, ВАНЫ – второго.

– Постой, так значит слово «ас» пошло от вас? – поднял я брови.

– А то, – ухмыльнулся Локи. – Причём, со временем оно не утратило своего первоначального смысла. Ведь у вас «асы» – это не только выдающиеся лётчики, но и, вообще, большие типа мастера, отличные специалисты. Мы – АСЫ являемся такими изначально. Хотя, бывают, конечно, исключения. – Он почесал затылок, как я недавно. – Взять, к примеру, жену моего брата Одина Фрию. Один у нас верховный бог, курирует вопросы космологии, являясь главным теоретиком учения Северного Пути, а она совершенно никчёмная бабёнка, занимающаяся, в основном, гаданием на хрустальном шаре. А Тор! У нас он занимает пост громовержца, что соответствует у вас должности военного министра, но, по сути, – полный козёл. Недаром козёл – его магическое животное. Есть, правда, в правительстве сильный мужик – бог правосудия Форсети. Этот, прикинь, имеет одно лицо спереди, другое – сзади, чтобы выслушивать одновременно и сторону обвинения, и сторону защиты. Но вопросы юриспруденции его мало волнуют. Всё время, гад, в футбол гоняет.

– В футбол? – поразился я. – А разве боги играют в футбол?

– Играют, и ещё как, – усмехнулся Локи. – Скоро сам в этом убедишься.

– А в каких вы отношениях с христианством? – задал я вопрос, который давно меня волновал.

– А ни в каких, – мгновенно отреагировал гость. – Оно нас не замечает, мы – его. Благо, места во Вселенной всем хватает. Ведь мир людей, мы называем его Мидгард, является лишь одной из девяти сфер реальности. Кроме него есть Асгард, где живут АСЫ, Ванахейм, населённый ВАНАМИ, Хель – царство мёртвых, Лессальфхейм, обжитый эльфами, Свартальфхейм с жителями в виде гномов, Етунхейм – царство сил хаоса, Муспелльсхейм и Нифльхейм, порождающие соответственно Мировой Огонь и Космический Лёд. Мидгард, кстати, занимает срединное место между энергиями Огня и Льда.

– А разве у льда есть энергия? – спросил я.

– Конечно, – кивнул Локи. – Только со знаком «минус», что обеспечивает баланс температур на земном шаре. А вообще-то, ты знаешь, всё это деление на сферы давно устарело и существует лишь благодаря приверженности к старой бюрократической системе моего брата

Одина, закрывающего, кстати, глаза на проделки своего приятеля Тора. Он, представляешь, живёт в открытую с богиней эроса Фрейей в Асгарде, хотя она по происхождению ВАНКА. Его жена Гефьен – богиня добродетели неоднократно просила Одина пресечь творящееся у него под носом безобразие, но тот делает вид, что ничего не замечает. Он вообще многого не замечает. Того, в частности, что Тор взял себе в команду лишнего игрока – бога физического совершенства Фрейра.

– Фраера? – поразился я. – Ничего себе, имя у бога!

– А ведь он точно фраер! – взвеселился Локи, громко расхохотавшись. – Ну точно, ну просто лучше не скажешь! Представляешь, этот Фрейр, он, кстати, брат Фрейи, потому его Тор в команду и взял. Так вот этот фраер Фрейр, занимая фактически пост министра спорта и туризма, в спорте ничего не смыслит, и на поле ни на что, кроме подлых подкатов сзади, не способен.

– Это ты опять о футболе говоришь? – уточнил я.

– Ну, – довольно ухмыльнулся Локи. – Футбол в наше время – это и есть главная мировая религия, а ортодоксы ведущих конфессий всё спорят между собой, кто круче, не понимая, что давно уже находятся на обочине мэйнстрима. Впрочем, эту тему мы обсудим как-нибудь в другой раз. А сейчас ты мне скажи, – ты надумал с Гаршавиным разобраться?

– Надумал, – кивнул я. – Ты говорил, что можешь сделать так, что урода уволят из издательства и никуда больше не примут. Так вот делай, я согласен, и заплачу, сколько скажешь.

– В том, что заплатишь, даже не сомневайся, – усмехнулся Локи. – Только делать будем вместе – ты и я. А вернее, ты и два моих ворона – Хугин и Мунин.

– Кто? – оторопел я. – Ещё раз повтори – кто?!

– Два моих ворона – Хугин и Мунин. Хугин олицетворяет силу интеллектуального мышления, а Мунин – мышления рефлексорного, больше известного, как «память». Твоя задача позвонить Гаршавину, вызвать его на разговор и заставить произнести имена воронов. Произнеся: «Хугин», он в ту же секунду лишится интеллекта, «Мунин» – памяти.

Я поднял брови.

– Как же, интересно, я его заставлю?

– Твоя проблема, – пожал плечами Локи. – Впрочем, подсказать могу. Скажи, что написал новый роман из жизни роботов и название придумал «Хугин и Мунин», но не уверен в его благозвучности. Типа, как на ваш вкус, прошу совета, Короче, прикинься идиотом.

– Да с таким названием и прикидываться не надо. Сразу станет ясно – звонит идиот, с которым в принципе не стоит разговаривать, и уж, как минимум, повторять его идиотские придумки.

– Повторит, никуда не денется! – по-волчьи оскалился Локи. – Тем более, что нам, чтобы сделать его профнепригодным, достаточно озвучивания им лишь одного имени. Причём, не важно Хугина или Мунина. Ведь редактору, тем более, главному, интеллект так же необходим, как и память.

Локи продолжал скалиться, а я вдруг вспомнил фрагмент исландской саги, слышанной недавно по радио. Не ручаюсь за точность, но текст был примерно таким:

*«Руны нарезал на роге я, окрашены кровью те руны,
Слово такое я выбрал для рога свирепого зверя:
Из налитого питья я пью, сколько сам пожелаю,
И не боюсь злого демона Локи, имя которому Люцифер».*

– Я не тот, о ком ты подумал, – быстро произнёс мой гость, внимательно на меня посмотрев. – Я самый добропорядочный и самый благожелательно настроенный к людям из всех богов Северного проекта. Ты можешь убедиться в этом, прочитав откровения прорицатель-

ницы Вельвы. Её сайт в «ЯНДЕКСЕ» так и называется «Маги, прорицатели, астрологи». Давай, не откладывая, зайдём на него, и закроем, таким образом, вопрос.

– К сожалению, не получится, – сказал я, действительно испытывая сожаление, переходящее в досаду. – Дело в том, что мой компьютер не подключён к интернету. Завтра с утра пойду в интернет-кафе и ознакомлюсь с откровениями прорицательницы. А до завтра, ты уж извини....

– Да я понимаю, – вздохнул Локи. – Пока человека не пробьёшь, нечего и думать идти с ним в разведку. Тебя я, кстати, не одну неделю пробивал. А, вообще, конечно, жаль. – Он ещё раз вздохнул. – Я-то надеялся, что мы сегодня сговоримся. Август-то ведь уже вот-вот наступит.

– А что ты запланировал на август? – осторожно поинтересовался я. – Нашу совместную разведку?

– Лучше, Вадим, намного лучше! – воскликнул Локи, впервые назвав меня по имени. – В августе нас ожидает грандиозное событие, можно сказать, праздник! И ты, я надеюсь, будешь равноправным его участником. Так что ты с Вельвой-то не откладывай. Завтра с утра пойдёшь, как обещал, и ознакомься со всем, что написала обо мне эта достойная женщина.

*

Не знаю, с чего Локи решил, что в откровениях Вельвы он изображён положительным героем. На мой взгляд, старуха (а я думаю, все прорицательницы – старухи) сделала всё, чтобы выставить его в самом неприглядном свете. Это явствовало даже из той почти пародийной текстовой невнятицы, которая получается в результате перевода с одного языка на другой, осуществляемого компьютером в автоматическом режиме. Вельва писала на староголландском, и я, чтобы не быть голословным, приведу в качестве примера конечную фразу затёртой байки о героическом фламандском мальчишке, которая в переводе на русский, выглядит следующим образом: «Мальчик вложил пальцы в лесбиянку, и тем спас город от наводнения». Почему компьютер решил, что щель в дамбе и лесбиянка – это одно и то же, – тайна сия велика есть. Хотя некоторые ассоциативные связи между ними, безусловно, просматриваются. Труднее понять, что имелось в виду, когда прорицательница, описывая разгульную жизнь Локи, сообщала: «Он любил шляться по локальным голландским кабакам, имевшим дружественную атмосферу коричневого кайфа и сильные, и переполненные современные тюремные решетки». Так и не поняв, какой коричневый кайф ловил сидевший за «сильными и переполненными современными тюремными решётками» Локи, я продолжил читать дальше и вскоре понял, что «подвигов» у моего знакомого, в самом деле, накопилось немало. Во-первых, он действительно при помощи заклинаний потопил Гиперборею, во-вторых, построил из ногтей мертвецов жуткого вида корабль под названием «Нагльфар», в-третьих, за деньги заговаривал тевтонским рыцарям мечи на турнирах, а в-четвёртых, был просто злокозненным плутом и вруном, постоянно огорчавшим мать и старшего брата Одина. Терпение последнего однажды лопнуло, и он лишил Локи звания бога-АСА, переведя его в разряд демонов. Сам Один, по словам Вельвы, был образцовым верховным божеством, и выглядел соответствующим образом – на коне, в шлеме, с бородой, вооружённый копьём, похожим на то, каким наш Георгий-Победоносец задалбил змея.

В том, что Один действительно один в один наш Георгий Победоносец (прошу прощения за каламбур), я убедился, когда взглянул на его изображение, для которого Вельва не пожалела целой страницы. Только выражение лица у него было чересчур гневное и беспощадное – даже в контексте предстоящей схватки с врагами. Но поразило меня не это. А присутствие на картинке двух больших воронов, как бы парящих над головой главного бога Северного проекта. Без сомнения, это были Хугин и Мунин, ибо Вельва открытым текстом сообщала: «Вороны, волки, конь и змея являются магическими животными верховного владыки».

«Плут он и есть плут», – подумал я. И выкатил ему свои претензии, когда он вечером того же дня припёрся ко мне домой.

– Старая жопа! – произнёс Локи, адресуя этот комплимент прорицательнице Вельве. – Давно видно сайт не обновляла, зараза! Веков семь, не меньше. Я ведь ещё в правление короля Ричарда II заполучил Хугина и Мунина, отдав за них братцу меч Драгвендиль. Он из-за этого меча чуть трона не лишился, поскольку слух пошёл, что Одину, типа, играть только в «Динамо». Вот ты прочитал у Вельвы, что я мечи, типа, за деньги заговаривал. И заговаривал. Только занимался этим не я один. Братец тоже приработка не чурался, хотя, его заклинания ни черта не действовали, и мои клиенты разрубали его клиентов сверху донизу. Особенно показателен в этом смысле поединок между Кетилем Генгом и королём викингов Фрамаром. Фрамар был отважным воином, при этом огромным, как медведь, плюс поддержка самого Одина, короче, все ставили только на него. А Кетиль Генг, он и был Кетилем Генгом, и ничего особенного ни в нём, ни на нём не было, кроме меча по имени Дрангвендиль, который я заговорил особенно удачно. Кстати, подонок Снорри Стурлусон в своей «Младшей Эдде» обвинил меня, что я, типа, перед поединком затупил меч короля викингов. Даже завывалку от имени Фрамара придумал: «...Думал ли я, что твоё остриё понапрасну рубило по ядовитым плечам, словно Локи тебя затупил!». Но это всё чушь полная, как ты понимаешь. Никакого меча я не тупил, хотя, повторяю, Драгвендиль заговорил так, что «ядовитые плечи» Кетилия Генга остались целы, а Фрамар оказался разрубленным на две половины. Вот тогда Один и заныл, – продай, и продай меч. Но я был тоже не прост, знал, что он собирается сдавать Драгвендиль в аренду и бабки таким образом качать. Поэтому запросил немало – двух его магических воронов, Хугина и Мунина. Братец вначале послал меня в етунхейм, но потом на обмен пошёл, затаив при этом злобу. Во что она вылилась ты знаешь из записок старой жопы Вельвы – меня дисквалифицировали – перевели из АСОВ в демоны, причём, навсегда. Представляешь, из-за какого-то паршивого меча родного брата...

– Ну да, – сказал я. – А кораблик из человеческих ногтей кто построил?

– А, «Нагльфар» – ничуть не смутился Локи, – Ну был период, когда я увлекался кораблестроением. Этот период прошёл. Теперь у меня другие увлечения. Так что не вижу необходимости оправдываться.

– И за Гиперборею не хочешь оправдаться?

– Конечно, нет. Потому что она затонула сама. Понимаешь, сама! Одно дело меч заговорить, другое – целый континент уничтожить. Сам подумай, кому это под силу! Если у подонка Снорри Стурлусона соображалка не работает, это его проблемы. Но не надо ему уподобляться.

– Да я и не думал ему уподобляться. Просто Вельва постоянно повторяет, что ты мастер заклинаний. Вот я и решил...

– В этом Вельва права, – нетерпеливо перебил он меня. – Я действительно кое-что смыслю в заклинаниях, потому что верю в силу слова и вообще всякого звука, будь то рёв, пение или шёпот. В какой-то степени я даже являюсь автором магического практикума под названием Гальдор, что в переводе означает «Крик ворона» или «Песнь ворона». Уже из названия ясно, что применяющие Гальдор маги воздействуют на удачу и судьбу при помощи звуков – упругих волн, распространяющихся в газах, жидкостях и твёрдых телах, и являющихся, по сути, всё той же энергией. Ей одной лишь под силу изменить существующую реальность. Свидетельством тому является рёв древнеримских амфитеатров и современных стадионов, изменявших соответственно ход гладиаторских боёв и футбольных матчей. Удивительно, что есть дураки, и их немало, верящие в магию рун или, ещё того смешнее, в фитнес-магию под названием Сейт. Эту хрень придумали богиня Фрейра и её брат-физкультурник, которого ты метко окрестил фраером.

– Это не я его окрестил, – начал было я, но Локи остановил меня движением руки.

– Ты лучше послушай, как они людям головы морочат, эти дети своего папы. Их отец Ньерд работает управдомом в Вальхалле. Это дворец Одина и одновременно чертог, куда попадают после смерти павшие в битвах воины, там они продолжают прежнюю героическую жизнь. Так этот Ньерд обворовывает их почём зря. А ведь они ветераны – кто без руки, кто без ноги, а кто и без головы! Впрочем, не о нём речь. Ты лучше послушай, какую фразу придумала Фрейра для привлечения простаков: «Воздействуя на психофизические сферы Вашего тела, Сейт поможет Вам обрести счастье!» Типа, навазюкайся магическими мазями, обмотайся магическими травами, выпей магической настойки и ну, изнурять себя на магических тренажёрах! Когда изнуришь до полного беспамятства, испытаешь счастье! Шарлатаны! Самые настоящие шарлатаны! Вот как девушка-дурнушка сможет обрести счастье при помощи Сейта?

– Будто она сможет обрести его при помощи Гальдора, – заметил я.

– Может! Еще как может! – нацелил на меня указательный палец Локи. – Она может подружиться со Словом и стать писательницей или поэтессой, а, если не хватит усидчивости или таланта, может примкнуть к какому-нибудь пассионарному движению, наподобие феминистского, участвовать в разнообразных акциях, ходить на митинги, орать там, чтобы заметили. Всё это, в конце концов, обеспечит ей общественное признание и являющееся на самом деле счастьем.

– Ну, может и так, – согласился я, не желая не спорить. – Ты лучше расскажи, что такое магия рун. Я что-то краем уха слышал об этом, но так толком ничего и не понял.

– О, это отдельная песня! – ещё больше оживился, заблестев глазами Локи. – Лохотрон под названием «бросание рун» держит мой брат Один, имея с этого неплохие бабки. Идея брать деньги за швыряние деревянных дощечек с вырезанными на них значками пришла ему в голову, когда он увидел в Швеции большое количество камней, которые веками сохранялись по берегам рек, на полях и вблизи населённых пунктов. Для шведов эти камни были тем же, что берестяные грамоты для новгородцев, имевших, как известно, привычку фиксировать наиболее значимые события каждого года. Типа, «язва, гибель для младенцев», «град», «урожай», «морозящий дождик, окалина», «лёд». Шведы тоже писали примерно о том же, но Один и взятый им в долю шведский король Магнус Эрикссон объявили эти каракули древними, обладающими магической силой знаками, посвящёнными земле, воде, огню, духам добра и энергии. Ну, а дальше, дело техники. Типа, настрогали дощечек со значками, по шестнадцать штук в каждом комплекте, обозвали их рунами и обучили технике «бросания» всякий сброд, который принялся дурачить народ на каждом средневековом перекрёстке. Кстати, руны «бросают» до сих пор, причём на космической карте, разделённой по кругу на восемь равных частей. Простаки верят, что руны, лёгшие по отношению друг к другу под углом сорок пять или сто тридцать пять градусов, предвещают удачу, в то время, как положение рун под девяносто градусов или сто восемьдесят – сулит неприятности. Есть, правда, и другие способы раскладывания рун, но я не хочу об этом распространяться, ибо это пустая трата времени. Я хочу прояснить главный для себя вопрос – достоин ли я твоего доверия?

– Твоя искренность, безусловно, вызывает уважение, – сказал я то, что думал. – Поэтому, скорее, да, чем, нет.

– Ну и что это означает?

– Означает, что я готов заключить с тобою сделку. Ты, кстати, в гульденах берёшь, в долларах или в евро?

– Деньги меня не интересуют, – тихо произнёс он, глядя мне прямо в глаза. – Меня интересует твоя душа.

*

«Каждый должен о чём-то думать, я вот думаю, – а не выпить ли мне ещё рюмочку?» Это была любимая присказка Жака Дорньера, и я подумал, что рюмочка или даже две мне бы сейчас совсем не помешали.

Надо ли говорить, что Локи тут же зазвенел бутылками за моей спиной.

– Возьми. – Он протянул мне стакан, до половины наполненный виски.

Я выпил, потом вернул стакан, изобразив большим пальцем «Ещё». Он снова налил, я снова выпил. И повторил жест.

– Может не стоит? – обеспокоился он, пряча бутылку за спину. – Хватит уже. Ведь правда хватит?

– Хватит, так хватит, – пожал я плечами. – Когда уйдёшь, я всё равно своё доберу.

– Да, – покрутил он головой. – Я, честно говоря, не ожидал, что цена так тебя ошпарит.

Я не хотел с ним разговаривать, но алкоголь заставлял мой язык двигаться, как секундант не желавшего драться боксёра. В конце концов, я спросил:

– А с чего ты вообще решил, что у меня есть душа?

– С того, что она у тебя есть, – заулыбался он, довольный видимо тем, что его не вышвырнули в окно. – Ты волка спас. – Он потрепал по загривку разлётшегося у его ног Зорро. – И вообще, наличие или отсутствие души определяется очень просто – способен человек любить или нет. Ты любить способен, это сомнению не подлежит. И факт вручения мне души означает для тебя лишь то, что меня ты будешь любить чуть больше остальных. То есть, чуть больше жены, матери, детей, возлюбленной. Кроме этого от тебя ничего не потребуется, поверь мне.

– Ты голубой? – спросил, решив отбросить церемонии.

– Начинается! – Он завёл свои серые глаза к потолку. – Не ожидал, что ты мыслишь так примитивно. По-твоему, любить – это обязательно совокупляться? Да любить – это, в первую очередь, болеть за человека, переживать, вопить от радости за него и выть от обиды!

– Значит, ты хочешь, чтобы я за тебя переживал, вопя и воя?

– Да, – с серьёзным видом кивнул Локи. – Именно этого и хочу. А ещё я хочу, чтобы ты был счастлив и как писатель, и как человек. А счастливым ты сможешь стать, только если отомстишь Гаршавину. Конечно, писатели – особые люди. Все свои грехи и безумства, несчастья, любовь без ответа, физические недостатки, болезни, нужду, разбитые надежды, горести и унижения они могут обратить в материал и преодолеть, написав об этом. Всё недоброе, что с ними может случиться, они властно изжить, переплавив в тексты. Но подумай, хочешь ли ты изжить подобным образом душевную травму, которую тебе сознательно нанёс главный редактор «Гранеды», фактически опустивший тебя? Если хочешь, то давай, пиши психологический роман, переживай в нём заново своё унижение, чтобы к концу заполучить катарсис – очищение состраданием и ужасом, в котором, кстати, Аристотель видел смысл искусства.

Локи продолжать вещать в том же духе, а я, представив себя за работой над романом, где мы с Гаршавиным – в качестве главных героев, содрогнулся от омерзения.

– Ага! – заорал Локи, бросив на середине очередную высокопарную фразу. – Не хочешь?! Не хочешь писать об ублюдке, пошёл он в етунхейм!

– Не хочу, – сказал я, отбирая у него бутылку. – И душу тебе продавать не хочу.

– О-хо-хо-хо-хо-хо, – завздыхал он, театрально обхватив руками голову. – Вольно же вам, людям, благородный акт вверения души называть «продажей»! Это всё старик Гёте виноват, сколько страстей вокруг доктора Фаустуса наворотил! А Фаустус, между прочим, Георг Сабеликус, был до встречи со мной простым бродячим астрологом, мечтавшим осесть в каком-нибудь тихом немецком городке. И таким городком мог стать для него Эрфурт, поскольку он составил для епископа Эрфуртского несколько удачных гороскопов. Но против Георга Сабеликуса усиленно интриговали монахи местного монастыря и настоятель церковь Северикирхе, обвиняя его в следовании практическим руководствам по магии – гримуарам, запрещённым

инквизицией. В воздухе уже пахло дымом костра, на котором Фаустуса обязательно поджарили бы, если бы не вмешался я. Доктор вверил мне свою душу, а я разобрался с церковниками, устроив для монастырской братии то, что вы называете полтергейстом. Монахи разбежались, а настоятель церкви Северикирхе посвятил остаток жизни счастливому времяпрепровождению – выращиванию роз, ибо Мунин лишил его памяти.

– Классная история, – сказал я, оторвавшись от бутылки. – Нет, действительно, классная, я просто восхищён. И ещё восхищён вашим ругательством – «Пошёл в етунхейм!». Етунхейм, насколько я помню, это царство хаоса?

– Ага, – расплылся в улыбке Локи. – «Пошёл в етунхейм!» – это всё равно, что у вас – «Пошёл в задницу!».

– Понял, – кивнул я. – Пошёл ты, Локи, в задницу!

*

Он ушёл. И появился только через две недели. А я все эти две недели раздумывал над фразой, сказанной однажды Жаком Дорньером: «В день, когда вы решите продать вашу душу, вам станет ясно, что душа – излишество». Капрал-шеф сказал это, конечно, в шутку, не подозревая, что в контексте моей ситуации изрекает мудрость. Он вообще не подозревал, что существуют такие ситуации, как моя, потому что был нормальным человеком. Я же, скорее всего, был ненормальным, раз воспринимал Локи не как порождённый моим воображением трансцендентный образ, а как реально существующего языческого демона. И воспринимая его именно так, мучился бессонницей, постоянно задавая себе вопрос, – а на фиг мне душа? Ведь из родных у меня лишь мать в Твери, которой я помогаю материально, но с которой у меня никогда не было духовного родства. Жены нет, детей тоже. По крайней мере, тех, о которых я был бы осведомлён. Да и потом, если Локи прав, и писатель, творя, пытается себя обессмертить, то его произведения и есть его дети, которые, как он надеется, будут жить вечно. Не заманивая на жизнь в веках, я, тем не менее, сознавал, – увидеть свои романы изданными – это именно то, чего я хочу больше всего на свете. Сознавал я и то, что пока не разберусь с Гаршавиным, моей мечте не осуществиться. Ибо, как говаривал тот же Жак Дорьер: «Чтобы не утратить остальные желания, поддавайтесь, парни, желанию отомстить». В принципе, отомстить я мог и без помощи Локи – просто приехать в Москву и замочить гада. Но это только «в принципе», потому что я утратил способность убивать. Случилось это со мной на кофейной плантации близ Ямасукро, когда я увидел останки Бранко и Остапа, и ещё этого чёртова падальщика-грифа увидел, от которого меня чуть не вырвало. По-настоящему выворачивало меня уже потом, в госпитале. Врачи думали из-за сотрясения мозга, но я-то знал, – рвёт от отвращения к своему мачистскому поведению, выражавшемуся в готовности убивать по самому ничтожному поводу и быть убитым по поводу не менее ничтожному. Кстати, подлое поведение главного редактора «Гранады» тоже не являлось достаточным поводом для его убийства. И в этом смысле предложение Локи выглядело как самый, пожалуй, оптимальный вариант. Но в продаже души дьяволу было что-то до того омерзительное, что при одной мысли об этом волна тошнотворной дрожи проходила по животу. С другой стороны вспоминались такие, я бы сказал, положительные «дьявольские» образы, как булгаковский Воланд и Брюсовский Демон – покровитель творчества, «со странно-длительной улыбкой на устах». У Локи, правда, улыбка была самая обыкновенная, но он также не производил отталкивающего впечатления.

Самым плохим было то, что я начал пить. И это не нравилось Зорро, который с глухим рычанием подходил к каждой оказывавшейся на полу по причине опорожнения бутылке, брал её зубами за горлышко и принимался мотаться по комнате, ища укромное место, чтобы спрятать, и не понимая, что прятать надо бутылку полную.

Однажды, когда он так мотался, в дверь позвонили. Он пошёл в прихожую вместе со мной, и, увидев Локи, бутылку не выпустил, а стал её как бы демонстрировать, укоризненно

при этом на меня поглядывая. Впрочем, так как я был изрядно пьян, это мне, возможно, помешалось.

– Привет. – Локи сделав вид, что не заметил моего состояния, протянул руку.

Я ответил на рукопожатие.

– Проходи.

– Я билеты на футбол принёс, – сообщил он, усаживаясь в кресло. – Пойдёте?

– В смысле? – не понял я. – Я и Зорро, что ли?

– Ну, да.

– А волков разве на матчи пускают?

– У нас пускают, – усмехнулся он. – У нас они почётные гости. Играть-то будут «локи» и «торы». То есть, моя команда и команда Тора.

– Здорово! – восхитился я. – «локи» и «торы»! Это как российские «Локомотив» и «Торпедо». А «Динамо» у вас есть?

– «Динамо» в пору моему братцу Одину возглавлять. Это он динамит людей, создавая организации, типа «Герметического Ордена Золотой Зари», «Готической лиги» или «Братства Сатурна». Впрочем, «динамит» – устаревшее слово и в данном контексте – неточное. Братец разводит простаков, обещая им, через своих клеветов, вроде Якоба Адлерберта, превратить их в языческих богов и богинь, которые, оказывается, живут в плоти и духе каждого человека, но находятся в состоянии дрёмы. Когда один из «сатурновцев» решил, что заплатил достаточно бабок, чтобы дремавший в нём Аполлон проснулся, он посреди Фицрой-сквера «сбросил земные одежды», и полицейские отвели его в участок. Пришлось его оттуда вызволять. Вернее, уже из психиатрической лечебницы, где бедолага, упорно отождествляя себя с богом, возлагал руки на других больных, чтобы даровать им исцеление.

– Мне кажется, ты не совсем справедлив к Одину, – сказал я. – Ведь он обманывает тех, кто сам обманываться рад.

– Не скажи, – покачал головой Локи. – Братец мухлюет, где только может. А насчёт справедливости, то о какой справедливости может идти речь, если в моей команде три игрока, а в команде Тора – четыре?

Я недоумённо поднял брови, и мой гость пояснил:

– Мы играем без вратарей, а количество игроков в команде может варьироваться от трёх до одиннадцати. При условии соблюдения принципа равного представительства сторон. Братец закрывает глаза на то, что Тор нагло нарушает это правило. Сам посуди – в команде «локи» – я сам и два моих ворона Хугин и Мунин, а в команде Тора, кроме него, – бог правосудия Форсети, у которого, как я уже говорил, два лица, и он видит, гад, что происходит сзади, затем бог слепой силы и конфликтов Хедр – тот ещё детина, и брат Фрейи Фрейр, являющийся, конечно, фраером, но фраером весьма опасным, специализирующемся на подлых подкатах сбоку.

– Да, ерунда какая-то получается, – посочувствовал я Локи.

– Да не то слово, – махнул он рукой. – Мы, конечно, всё равно их сделаем, но для нас важен голос каждого болельщика. Так что вы уж, пожалуйста, приходите.

– Придём обязательно, – заверил я его. Потом, после недолгого молчания сказал: – Я насчёт души хотел поговорить.

Он остановил меня движением руки.

– Поговорим после матча. Начало в девять. Не опаздывайте.

– В девять? – удивился я. – А не поздновато? Или при свете прожекторов будете играть?

– Мы будем играть при свете звёзд, – без улыбки произнёс Локи. – Уверен, – ты такого никогда раньше не видел. Ты, кстати, знаешь, где находится Тевтобургский лес?

– Нет.

– В Германии. Между Оснабрюком и Билефельдом.

– Ты хочешь сказать, что матч состоится в лесу?!

– Именно это я и хочу сказать, – кивнул Локи. – А ещё хочу дать совет – ехать не на машине, а на поезде. Между Амстердамом и Оснабрюком есть прямое железнодорожное сообщение. Доедете до Оснабрюка и на привокзальной площади возьмёте велосипед.

– Напрокат?

– Можно и так сказать. Только вам дадут его просто так, если скажете, что едете в Циллерталь. Это небольшая деревушка в пятнадцати километрах к югу от города. Найти дорогу туда не составит труда, поскольку в Германии всё в порядке с дорожными указателями. Когда увидите стрелку на Циллерталь, туда не сворачивайте, а ежайте прямо по дороге до большого камня, на котором написано «Первый из АСОВ». От камня сверните налево, и потом прямо, до самого конца. Всё понятно?

– Не совсем, – сказал я. – Во-первых, непонятно кто даст мне просто так велосипед. А во-вторых, не проще ли всё-таки доехать на машине?

– Велосипед тебе даст дед Пихто, – усмехнулся Локи. – Вернее, два деда – Якоб и Вильгельм. Кто они – узнаешь в своё время. А по поводу машины, скажу – не экспериментировать. Волков сильно укачивает, так что замучаешься салон отмывать. Ты и перед поездом Зорро не корми на всякий случай.

*

Несмотря на то, что я, следуя совету Локи, не покормил утром волка, того всё-таки вырвало. Произошло это на перегоне Утрехт – Апельдорн, аккуратно тогда, когда соседка по купе – славная пожилая женщина – попросила снять с «пёсика» намордник, чтобы угостить его домашним печеньем. «Посмотрите, он уже заранее благодарит!» – воскликнула она, когда увидела, что «пёсик» совершает движения головой вверх-вниз, будто кланяется. Я рванул Зорро за ошейник с целью выволочь в коридор, но было поздно – он уже «отблагодарил» всех присутствующих, отпрыгнув куски съеденного накануне мяса.

Меня оштрафовали на двадцать евро, и Зорро, чувствуя свою вину, пролежал у моих ног, не шевелясь, всю оставшуюся дорогу. Зато очень бодро зашевелил лапами на привокзальной площади Оснабрюка, потащив меня к велосипедной стоянке, находившейся у торцевой стены здания почты.

– Вы в Циллерталь? – спросил сидевший под полотняным тентом седовласый старик в широкополой шляпе, похожий на волшебника Гендольфа из «Властелина колец».

– Х-ррр-ыы-аа, – ответил Зорро.

– Да, – подтвердил я.

– Чудное местечко, доложу я вам, – произнёс кто-то у меня за спиной.

Обернувшись, я увидел ещё одного пожилого джентльмена, чрезвычайно похожего на Гендольфа.

– Там, – продолжал он, улыбаясь, – есть центральная площадь с колодцем посередине, тут же старенькая ратуша, дома мирового судьи, пастора и бургомистра. Все друг друга знают, всякому известно, что где происходит. Когда к столу бургомистра подают лишнее блюдо, то в обеденную пору это известно уже всем жителям Циллерталья. И дамы за кофе с куском сладкого пирога будут обсуждать это великое событие. Вы действительно туда хотите?

– Действительно хочу, – кивнул я.

– Тогда вот вам велосипед, – старик №2 выкатил из крайнего в ряду параллельно расположенных «стойл» сверкающее никелем и хромом чудо, одно колесо которого фирмы «Mavic», стоило больше трёх тысяч долларов.

– Вы удивляетесь, что велосипед горный? – отреагировал на мои высоко поднятые брови старик №1. – Не удивляйтесь. Местность вблизи Циллерталья холмистая, так что покрепче сжи-

майте руль, особенно, когда повернёте от большого камня налево. Вы, кстати, помните, что написано на камне?

- Помню, – сказал я. – «Первый из АСОВ». Что я должен оставить в залог?
 - Ничего. Вы назвали пароль, и этого достаточно.
 - Спасибо.
 - Не стоит благодарности. Счастливого пути.
- Это сказал старик №1, а №2 добавил:
- И не забудьте, от камня – налево.

*

Эту фразу я вспомнил, когда добрался до испещрённого сакральными каракулями камня, лежавшего на обочине шоссе, на другой стороне которого находился указатель со стрелкой на Циллерталь. Вспомнил, потому что влево уходили целых две лесные грунтовые дороги, казавшиеся совершенно одинаковыми. Одна – начиналась выше каменной глыбы, другая – ниже. После непродолжительного раздумья я выбрал нижнюю, понравившуюся тем, что в её устье росла большая лиственница, но, проехав с полкилометра, остановился, сомневаясь в правильности выбранного пути. Дело в том, что дорога очень быстро превратилась в узкую дорожку, а та, в свою очередь, в тропинку, еле видную среди хвои и папоротников. Пахло прелью, хвоей, сосновой смолой, в сантиметре от велосипедного колеса на клочке тёмной губчатой земли столпились кружком крохотные белоголовые грибы.

Я развернулся на сто восемьдесят градусов, и поразился, – неужели через эту лесную чащу только что проехал? Откуда взялись весь этот мох и валежник? А кустики голубики, произраставшие на блестящих от влаги рыжих мочажках, откуда взялись? Я уже не говорю о лесных фиалках, стоявших прямо, как свечи, там, где я только что проехал на велосипеде. Якобы, проехал, ибо никаких следов протектора на хвойной подстилке не наблюдалось. Зато в воздухе наблюдалось огромное количество комаров, от писка которых закладывало уши.

Двигаться назад к шоссе означало продираться через непонятно откуда взявшийся бурелом с велосипедом на горбу. Продвигаться вперёд – значило ехать неизвестно куда, – но всё-таки должна же тропинка куда-то вести?

Примерно через час тропинка, шедшая всё время в гору, вывела нас с Зорро на поляну, пламенеющую местными цветами – люпином, аквилегией, пенстемоном, лилией-марипозой. Названия цветов я узнал позже от Локи, а тогда просто замер в восторге от зрелища цветущего луга, по которому бежали тени лёгких летних облаков. Радуюсь, что преодолел, наконец-то, чёртов подъём.

На краю поляны высились посаженные в ряд остроконечные туи, образуя живую изгородь. В изгороди был проход, к которому устремлялись выходившие и выезжавшие на велосипедах из леса люди. Устремились к нему и мы с Зорро.

- Добро пожаловать! – приветствовал нас билетёр, на билетёра, впрочем, не походивший.

Он выглядел, как джентльмен, собравшийся на бал-маскарад, поскольку на безупречно сшитый чёрный костюм была наброшена тёмно-синяя, расшитая золотыми звёздами накидка, напоминающая плащ-палатку. Нам с Зорро он предложил набросить на себя аналогичные изделия, сняв их с плечиков, висевших на ветвях раскидистого дуба.

- Благодарю, – сказал я. – Не надо. Подскажите лучше, куда велосипед поставить.

- О велосипеде я позабочусь, – показал он в улыбке белоснежные зубы. – А от мантий у нас отказываться не принято. Вы, возможно, здесь первый раз, и вам простительно не знать, что мантия – это не только символ нашего братства, но и вещь весьма удобная при сидении на траве.

Что он имел в виду, я понял несколько минут спустя, когда оказался на огромной поляне, напоминавшей певческое поле под Берлином. Мне довелось как-то раз там побывать на кон-

церте классической музыки, и сейчас я испытывал чувство, похожее на дежавю. Тот же пологий склон горы, превращённый в гигантский зрительский зал с проходами, но без кресел – люди сидели прямо на траве, та же сцена, похожая на старинную шкатулку без передней панели, с полуоткрытой крышкой в виде раковины с резными краями, те же ложи для почётных гостей по бокам. Отличие было лишь в том, что здесь наличествовала как бы оркестровая яма, а там оркестранты сидели на сцене.

Поняв, что ошибся, выбрав не ту дорогу, и не имея желания слушать классическую музыку, я уже собрался было уходить, как вдруг заметил человека – он сидел вполборота к сцене и усиленно мне махал.

– Идите сюда! – закричал незнакомец, когда понял, что привлёк моё внимание. – Вы же соискатель, верно? Садитесь рядом, здесь отличные места! Вы же на футбол пришли?

– На футбол, – подтвердил я, не двигаясь с места.

– Ну так идите скорее сюда, а то места займут! Меня Джорджо зовут, – представился он, когда я подошёл поближе. – Джорджо Андриич из Дубровника. То есть, я жил в Дубровнике, пока меня оттуда не выгнали. Я серб. А вы, похоже, русский?

– Русский.

Его улыбка стала ещё шире.

– Я так и понял, когда вы своей собаке по-русски приказали держаться рядом.

– Это не собака, – сказал я. – Это волк. Зовут Зорро.

– Правда?! – в радостном изумлении округлил он глаза. – А вы знаете, что сын Локи – тоже волк. Фенрир. Согласно древней тевтонской легенде Фенрир гоняется по небу за солнцем с целью проглотить его, а, когда проглотит, наступит конец света. Об этом написано в замечательной книге «Немецкая мифология», авторами которой являются братья Гримм. Вы, кстати, наверняка, их в Оснабрюке видели.

– Кого? – не понял я.

– Братьев Гримм. Якоба и Вильгельма. Они любезно согласились снабжать всех желающих велосипедами. Вы ведь на велосипеде сюда приехали?

Я надул щёки и медленно выпустил изо рта воздух, скосив глаза к переносице.

– Я вообще-то думал, что они давно умерли.

– Конечно, умерли. Тут половина тех, кто уже умер. – Джорджо обвёл рукой поляну. – А в гостевых ложах вообще сплошняком. Видите, в дальней ложе слева рыцари в доспехах? Это король Артур со своими вассалами – Ланселотом и Гавейном. Справа тоже рыцари, я правда не знаю их имён, но, поверьте, это всё достойнейшие представители англосаксонских королевских династий – Инглингов, Скбельдунгов, Вельсунгов. А в ближней к нам ложе обратите внимание на худого господина в широкополой шляпе, с золотой цепью на шее. Это врач Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, именовавшийся Парацельсом. А рядом с ним Герг Сабеликус Фаустус – собственной персоной.

– Неужели тот самый? – уставился я на румяного толстяка с двойным подбородком, в бархатном берете.

– А вы думали он сильно измождился, торгуясь за свою душу с Мефистофелем? – усмехнулся Джорджо. – Бросьте. Это всё старик Гёте напридумывал. Я вот, например, вверил душу Локи и живу теперь спокойно, тогда, как раньше не жил, а мучался. Вы ведь здесь, простите, тоже потому, что обуреваемы жадой мести?

– Ну, не так, чтобы обуреваем, – пожал я плечами. – И потом, это моё дело.

– Вы меня не так поняли! – замахал руками серб. – Я не претендую на вашу откровенность. Просто дело в том, что Локи специализируется на делах, связанных с мстостью, и никогда не обманывает своих доверителей. Вот я, например, поручил ему сжечь собственный дом, и он сжёг, не опалив при этом рядом стоящие строения.

– Сжёг дом?! – опешил я.

– Ну да. При помощи Хугина и Мугина, набросавших в каминную трубу тлеющей пакли. Вы смотрите на меня, будто я сумасшедший. На самом деле, сумасшедший тот, кто развязал войну! Я журналист, родом из Дубровника, красивейшего города Хорватии, там я учился, там я женился, там построил дом. Настоящий, каменный, с большой открытой галереей на втором этаже и остроконечными венецианскими окнами. Семья залезла в долги, сэкономили каждую копейку, но при всём при том были необыкновенно счастливы. Счастье закончилось, когда началась война. Соседний с Дубровником Вуковар был разграблен и сожжён, сотни сербов были уничтожены. Чтобы избежать их участи, бежали, захватив с собой лишь самое необходимое. Впрочем, учитывая, что все сбережения были вложены в дом, нам с женой и захватывать было нечего, кроме двоих малолетних детей. Мысль, что в моём доме поселились те, кто нас изгнал, не давала мне покоя ни во время скитаний, ни тогда, когда жизнь, вроде бы, наладилась. Наоборот, когда непосредственная опасность перестала угрожать нашим жизням, именно тогда моё существование превратилось в пытку. Я не мог ни спать, ни есть. Не мог строить планов на будущее и нормально работать, постоянно думая лишь о том, что в доме, который я построил для своих детей, раздаётся смех детей моих врагов. Нет, ни самим врагам, ни их детям смерти я не желал. Я имел целью лишь уничтожение собственного дома, как римский сенатор Катон Старший имел целью уничтожение Карфагена. Помните, какими словами он заканчивал каждое свое выступление в Сенате? «Карфаген должен быть разрушен!». Не знаю, что бы у меня получилось с задуманным «разрушением», если бы не Локи. Он появился, когда я, мучимый жестокой ипохондрией, уже подумывал: "А не разрушить ли самого себя?". И предложил помощь. Помощь я принял, о чём впоследствии ни разу не пожалел. Если вы помните из школьного курса истории, – после разрушения Карфагена закончились Пунические войны, и в Средиземноморье установился мир. Вот такой же мир установился в моей душе со всеми вытекающими отсюда приятными моментами. Я снова научился ценить жизнь. А, кроме того, заполучил право и после смерти оживать. Правда, только лишь на одни сутки в августе, когда боги играют в футбол.

– Так вы сейчас живой или мёртвый? – на всякий случай уточнил я.

– Живой! – засмеялся Джорджо. – Живой и тёплый. Можете потрогать, если хотите.

– Тогда вопрос номер два, – проигнорировал я его предложение. – О каком футболе идёт речь, если здесь нет ни намёка на футбольное поле?

– О, да вы совсем ещё зелёный соискатель! – улыбнулся он доброй улыбкой. – Кстати, в слове «соискатель» нет ничего обидного. Это человек, который пока ещё не стал, но обязательно станет членом клуба фанатов Локи. И тогда получит право на ношение трота, – он прикоснулся к перехватывающему волосы металлическому обручу на своём лбу. – Это трот. Вы поняли?

– Это понял, – сказал я, начиная раздражаться. – Не понял, где здесь футбольное поле.

– Оно там, – Джорджо показал на начинающее темнеть небо. – Люди верят учёным, объясняющим ежегодный августовский звездопад встречей Земли с роем метеоритных тел, тогда как на самом деле звёзды падают, потому что боги играют ими в футбол. В кармане вашей мантии вы найдёте специальные очки. Такие, как у меня, – он показал чёрную полумаску, рези которой были забраны в толстые стёкла. – Наденьте их, и вам всё станет ясно.

*

Когда я поднял глаза на небо, казавшееся чёрным по сравнению с белизной искрящихся звёзд, то поразился степени их приближенности ко мне, и тому факту, что я, оказывается, знаю их по именам, как и названия наиболее крупных созвездий.

Почти над головой стояло созвездие Большой Медведицы, прибитое к небу алмазными мерцающими гвоздями. Самым ярким его алмазом без сомнения была звезда Мицар, образующая вместе с семьёю своими подругами, ковш, который уравновешивался слева черпаком Воло-

паса с блистательным Арктуром посередине. С Арктуром соперничала по величине в голубоватой дымке Вега из созвездия Лиры. Не уступал ему и воспетый бардами Альтаир из созвездия Орла, ливший свой таинственный свет с самой дальней кромки неба слева. Зато на правой стороне небесного свода не было равных по яркости Сириусу, который вместе с Проционом из Малых Псов и Кастором из Близнецов, сводил на нет все попытки Полярной звезды выглядеть поавантажнее.

Я стоял и смотрел на небо. И чувствовал себя, как под тёплым душем. Только лилась на меня не вода, а белый поток Вселенной, неслышный звон которого постепенно заполнил всё моё существо и унёс за пределы земного. Не знаю, час ли я так простоял или несколько минут – в созерцании я утратил чувство времени и больше не сознавал самого себя. Не отличал, моё это дыхание или дыхание звёздного неба, в котором я растворился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.